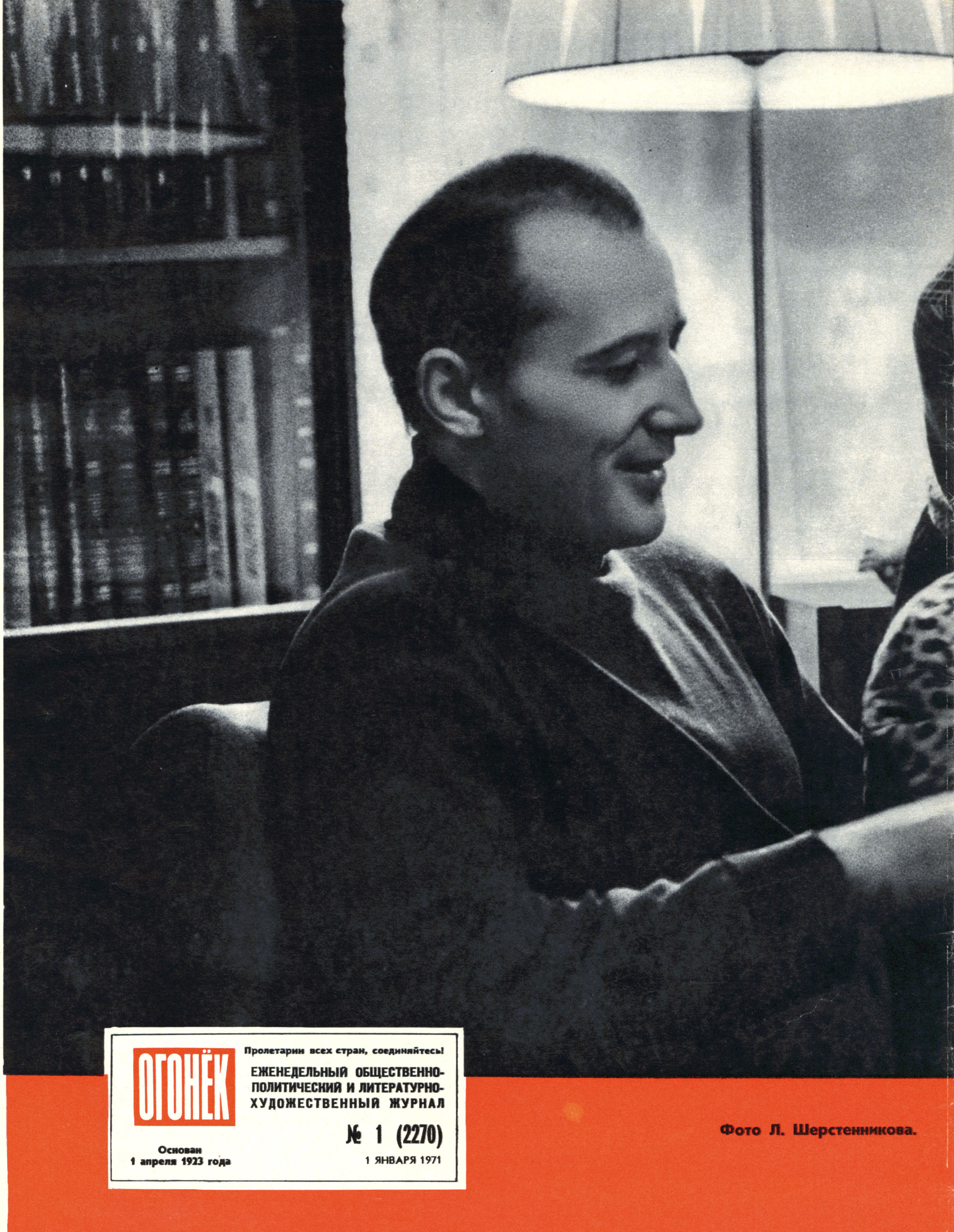
С Новым годом!
ОГОНЁК
№ 1 ЯНВАРЬ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА



ОГОНЁК
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
№ 1 (2270)
Основан 1 апреля 1923 года
1 ЯНВАРЯ 1971

Фото Л. Шерстенникова.

ОН ВСТРЕТИЛ НОВЫЙ ГОД НЕ ПО КАЛЕНДАРЮ: КОММУНИСТ, ПАРТГРУПОРГ, ВОЖАК БРИГАДЫ ШАХТЕРОВ ВЛАДИМИР ПОДКУРОВ ПЯТИЛЕТКУ ВЫПОЛНИЛ В ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТОМ. НА ЭТОМ СНИМКЕ ОН ДОМА — С СЫНОВЬЯМИ САШЕЙ И СЛАВОЙ. А НА СТРАНИЦАХ 12—13 ПОД НАШЕЙ НОВОЙ РУБРИКОЙ «ПРАВОФЛАНГОВЫЕ ПЯТИЛЕТКИ» ПУБЛИКУЕТСЯ РЕПОРТАЖ О ЕГО ТРУДОВЫХ ДЕЛАХ.

БОЕЦ И ТРУЖЕНИК

Михаил АЛЕКСЕЕВ

Вероятно, наступающий Новый, 1971-й, не обидится, ежели в этих предновогодних заметках мы будем говорить больше не о нем, новорожденном, но о его предшественнике, годе 1970-м. Право же, это будет только справедливо, и мы исполним лишь долг перед славным тружеником, передающим Новому немалое наследство. При этом никто из нас ни на минуту не сомневается, что семьдесят первому предстоят не менее великие дела, но они впереди, а тут надобно сказать об уже свершенных.

Итак, 1970-й. Он, конечно, особенный. Все дела и помыслы советских людей были одушевляемы ленинским юбилеем. Ленин и прежде ни на день, ни на час, ни на минуту не покидал нас, не оставлял одних. В день своего юбилея он как бы запросто пришел к каждому из нас в наш дом, и мы смогли поговорить со своим вождем, распахнуть перед ним свою душу, как на исповеди, заверить, что идем дорогой, указанной им, и что не отыщется во всем свете силы, которая смогла бы свернуть нас с этого пути, и одобрительная, ободряющая улыбка светилась в прищуре его удивительных глаз.

Ленинский юбилей совпал по времени с годом, завершающим пятилетку, очередную и привычную меру гигантского шага в поступательном движении страны к цели, единственно достойной человека и всего человечества,— к коммунизму. Может быть, совпадение случайное. Скорее всего случайное. Но это не лишает его глубочайшего смысла и радующей сердце символики. Теперь отовсюду, со всех концов и краев огромного Отечества нашего, летят рапорты о выполнении пятилетнего плана, летят уже давно, а это означает, что многие выполнили его досрочно. И на этот раз все рапортующие обращались непосредственно к Владимиру Ильичу, ибо ко дню его рождения готовили они свой подарок. Город за городом, область за областью выстраиваются перед ним с окрыляющими докладами, и то на одно, то на другое знамя прикрепляется орден с изображением Ильича — гения пролетарской революции. Орден Ленина в год ленинского юбилея — может ли быть награда выше этой!

Страна наша огромна, и для всех нас она — Родина. Но в этой стране, на этой земле есть у тебя уголок, к которому ты прирос пуповиной и прикипел сердцем до конца дней своих, поскольку в том уголке ты явился на свет, пришел в этот мир, чтобы исполнить человеческий долг. И где б ты ни был, в какие бы края ни занесла тебя судьба, о родимом уголке ты будешь думать и помнить всечасно. Есть и у автора настоящих строк такой уголок где-то посредине матушки Волги. Не скрою, открывая по утрам газету, я нетерпеливыми глазами отыскивал и прежде всего прочитывал указы о награждении. «А как же мои земляки? Как же они там? Неужели?..» Но нет, сомнения напрасны: вот он, указ — и второй орден Ленина на знамени области! Многообразие промышленной продукции моего «уголка» трудно выразить одной цифрой (она, кстати, оказалась бы весьма внушительной), но 208 миллионов пудиков зерна названы во всеуслышание, а ведь это совсем немало! Хотя южный наш сосед по Волге при этом улыбнется, и не без основания: у него этих миллионов 250! Что же,

сочтемся славою —
ведь мы свои же люди.

Советский человек, однако, не довольствовался и в семидесятом лишь земными своими делами, как бы значительны и даже многозначащи они ни были. Первым вырвавшись когда-то за пределы земного притяжения, он, конечно же, и дальше пойдет на штурм звездных миров, благо наша партия и наша Советская власть оснастили его упругими и бесстрашными крылами. Вслед за «Луной-16», утолившей наше извечное желание увидеть собственными глазами и пощупать собственными руками кусочек материи с другой планеты, к ближайшей нашей спутнице отправилась «Луна-17», да не одна, а с «Луноходом-1», коий проложил первую борозду на мертвой и уже во многом не загадочной планете по имени Луна. И теперь еще бьется там, в немыслимой дали, механическое сердце этого лунного первопроходца, а его экипаж сидит себе на Земле и улыбается нам с экра-

нов телевизоров ослепительною улыбкой молодых, умноглазых, образованных и веселых наших парней.

Ведь это же чудо из чудес! Однако мы смотрим на них спокойно и не ахаем от удивления, потому как эти же парни или другие, похожие на них, своими же сверхудивительными делами отучили нас удивляться. Что это, знамение времени или свойство человеческой натуры привыкать ко всему, в том числе и к самому невероятному? А может быть, в каждом из нас подспудно, глубоко живет внушенная опытом пятидесяти трех лет неколебимая вера в безграничные возможности советского человека в условиях нашего советского общества? А может быть, то, и другое, и третье, вместе взятое? Как бы там ни было, а мы уже спокойно, даже как-то обидно-буднично выслушиваем самые сенсационные сообщения ТАСС и как бы говорим про себя: «Ну что ж? Так оно и должно быть!»

Дед мой ушел из жизни, не дождавшись появления трактора на родимом поле, пахал и перепахивал его бесконечное число раз даже не плугом, а сохою. И это было совсем недавно. А сейчас мы, его внуки, смотрим на Луну, видим, как ползет по ней и оставляет за собой колею отправленный туда нами «Луноход-1», и говорим: «Так и должно быть». Рука моего деда, тяжелая, «порепанная» рука старого пахаря, тщательно собирала с обеденного стола черные хлебные крошки, чтоб ни одна из них не упала на пол, а его внуки или жены его внуков приходят в булочную и капризно спрашивают, свежи ли белоснежные калачи, теплы ли они, а коли нет, идут в другую булочную, сердито ворча при этом. И к этому мы привыкли. Да и что тут плохого, если вспомнить, сколько крови и пота пролито нами в стремлении приблизить нынешний день, на который, кстати сказать, великолепно потрудился год 1970-й.

У партии, у государства, у всего советского народа было немало забот и в делах международных. Век неслыханного технического прогресса, время невиданных скоростей сблизили континенты. Земля как бы во много раз уменьшилась в своем размере, теперь все страны, а стало быть, и народы сделались близкими соседями, но, к несчастью, далеко не все стали близкими друзьями. Пропасти, издавна разделяющие многие страны, исчезли далеко не все, а сохранились и в отдельных случаях даже угрожающе расширились и углубились. Безжалостное огнище войн продолжает пожирать тысячи и тысячи человеческих жизней. Международный империализм, возглавляемый североамериканским, алчуще ненасытен и опасно слеп в своих судорожных усилиях повернуть вспять ход человеческой истории. В этих условиях борьба за мир приобретает значение первостепенное и входит в число дел, которые нельзя откладывать ни на час, ни на одну минуту: ослабление усилий здесь чревато последствиями, какие трудно себе представить. И потому-то нет ничего удивительного в том, что страна, родившаяся с ленинским Декретом о мире, и сейчас делает все, чтобы отвратить от народов кошмар третьей мировой войны и погасить очаги кровопролитий всюду, где они есть. Инициатором самых больших акций в борьбе за мир неизменно является наша Советская страна.

В связи с недавно закончившейся сессией НАТО газета «Крисчен сайенс монитор» подчеркивает, что Вашингтон вынужден срочно реагировать на успех политики социалистических стран, и, в частности, их инициативы относительно созыва совещания по европейской безопасности. «Русская дипломатия добилась внушительного успеха, приобретая новых и новых друзей в Западной Европе».

Нетрудно предугадать, какой будет эта «срочная реакция» американского империализма, который предпринимал и будет предпринимать всяческие усилия, чтобы помешать наметившейся тенденции к нормализации обстановки в Европе. И Новому, 1971 году предстоит нелегкая борьба и на этом поприще. Важно, чтобы переданную ему эстафету он нес достойно.

Впрочем, что касается нашей страны, то для нее и новый год будет таким же мужественным бойцом за мир во всем мире и великим тружеником в делах внутренних. XXIV съезд КПСС даст ему на этот счет четкую, ясную и воодушевляющую программу.

РАЗМАХА ШАГИ САЖЕНЬИ: ГОД 1971-й

ЧТО ДАСТ ГОД СТАРТА НОВОЙ ПЯТИЛЕТКИ?

ПО СРАВНЕНИЮ С 1970 ГОДОМ ВОЗРАСТЕТ НА:

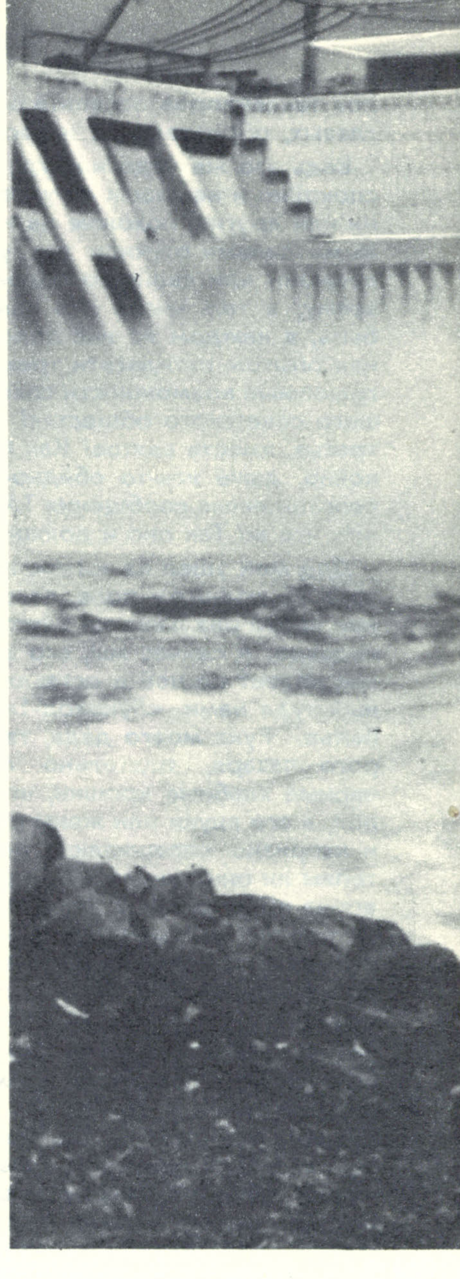
6,9 процента — продукция промышленности СССР
6,7 процента — производство средств производства
7,4 процента — производство предметов потребления
5,5 процента — валовая продукция сельского хозяйства
6,1 процента — национальный доход, используемый на потребление и накопление
4,7 процента — реальные доходы на душу населения
2,8 процента — среднемесячная зарплата рабочих и служащих
6 МИЛЛИАРДОВ РУБЛЕЙ — денежные выплаты из общественных фондов потребления, бесплатные блага
1,1 МИЛЛИАРДА РУБЛЕЙ — расходы на просвещение, науку, культуру
1,2 МИЛЛИАРДА РУБЛЕЙ — расходы на государственное социальное страхование и социальное обеспечение
11,8 МИЛЛИОНА КВАДРАТНЫХ МЕТРОВ — площадь жилых домов, вводимых в эксплуатацию

В 1971 ГОДУ БУДЕТ ВЫРАБОТАНО:

790 МИЛЛИАРДОВ КИЛОВАТТ-ЧАСОВ электроэнергии
633 МИЛЛИОНА ТОНН угля
371 МИЛЛИОН ТОНН нефти
211 МИЛЛИАРДОВ КУБИЧЕСКИХ МЕТРОВ газа
ПОЧТИ 120 МИЛЛИОНОВ ТОНН стали
61,3 МИЛЛИОНА ТОНН (в условных единицах) минеральных удобрений
708 МИЛЛИОНОВ ПАР кожаной обуви
НА 17 МИЛЛИАРДОВ РУБЛЕЙ швейных изделий
9,5 МИЛЛИАРДА КВАДРАТНЫХ МЕТРОВ тканей

И ВНОВЬ РАСЦВЕТАЕТ ЛОТОС

Новелла ЦВЕТКОВА



В 130 километрах от Каира

Только что вокруг была тишина, погруженная на самое дно «египетской тьмы», и вдруг из зияющей пропасти ночи возникла гирлянда огней и, очертив силуэты растянувшихся далекой цепочкой пирамид, повисла в небе. Прошла минута, другая... Так же внезапно гирлянда погасла, и тогда алый луч прожектора выхватил из темноты обезображенный лик получеловека, полузверя с остатками львиной гривы и на месте носа дырами. Каменные уста Сфинкса ожили, и голосом знаменитого английского актера Лоуренса Оливье он поведал историю великой Книги пирамид. Алый луч плясал на каменных морщинах Сфинкса. Неторопливо роняя слова, казалось, сама вечность говорила с людьми двадцатого века.

Неожиданно в эту глубь веков ворвался шум реактивных моторов. Самолет, прочертив красным пунктиром темноту ночи, низко пролетел в сторону Каирского аэропорта. И вмиг исчезло очарование удивительного спектакля, поставленного с таким блестящим мастерством прямо здесь, в пустыне, где декорациями были величественные пирамиды — немой свидетель того мира, который был мертв уже тогда, когда и сама мысль о полете человека еще не могла родиться...

Самолет, пролетевший над пирамидами Гизы, вернул нас во вторую половину двадцатого века, в страну, которая теперь называется Объединенная Арабская Республика.

...У входа в здание министерства национального руководства заслоны из мешков с песком. На красочной, оживленной каирской улице они выглядят странно, даже дико. Мальчуган-газетчик взял да и спрятал войну, завесив одну из таких баррикад яркими обложками журналов. Но война осталась в газетных строчках, и люди, покупая у мальчугана новости, узнавали, что враг всеми силами стремится сорвать соглашение о временном прекращении огня, он запасается новым американским оружием, а начальник генерального штаба израильской армии генерал Барлев даже открыто призвал войска быть готовыми к началу военных действий на Суэцком канале раньше 5 февраля, то есть раньше срока истечения соглашения.

Нет, война не ушла, она остановилась совсем рядом. Ведь фронт — это Суэц, а он всего в ста тридцати километрах от сердца страны Каира.

Египетские друзья помогли организовать поездку на фронт. Утром вместе с корреспондентом «Комсомольской правды» Анатолием Агарышевым мы были в условленном месте. Здесь нас ожидал высокий в военной форме молодой человек в очках. «Майор Мухаммед Хассен»,— представился он. Миновав оживленные улицы Каира, мы выехали на дорогу, которая вела на фронт. Она оказалась совсем непохожей ни на одну из египетских дорог, по которым я уже проехала почти две с половиной тысячи километров.

Я проезжала по дорогам-артериям: они несли на своих серых, растоптанных спинах жизнь — хлеб, железную руду, сахарный тростник, хлопок. Мне запомнились дороги, где на рассвете плескались волны пестрого, многоголосого рынка, навстречу которому торопились крестьянские повозки, бедуины на верблюдах и женщины в черных одеждах с кувшинами на головах.

Я проезжала песчаной, расплавленной солнцем дорогой в прошлое Египта — Долину царей и замирала в волнении на улицах Каира, где в шуме, скрежете и криках машины мчались, куда им только заблагорассудится, а блюститель порядка, внимая призыву муэдзина, опустившись на коврик, вел неторопливую беседу с аллахом.

Дорога на фронт была особенной: она отделяла многоликий, полный жизни мир от смерти. Нас то и дело останавливали патрули и, проверив документы, пропускали дальше. Здесь под контролем каждая машина, каждый человек. Лента шоссе, петляя в желто-буром песчаном покрывале Аравийской пустыни, убегает вперед к голубому горизонту. Кажется, что в этом желто-голубом просторе живет одна дорога, и только очень внимательный глаз может заметить, что это совсем не так.

— Там зенитная батарея... А вот здесь,— майор Хассен показывает на абсолютно ровное место,— здесь сейчас тоже работают люди.

В пути мы познакомились поближе. Я уже знаю, что Хассену недавно исполнилось 35 лет, он женат и месяца через три, если «аллах пошлет удачу», станет отцом. Он рассказал, что мечтает о дочке, любит книги и веселую шутку. Но приходится мало читать и шутить, потому что на его долю выпали три войны: он воевал в Порт-Саиде, в Йемене, почти год провел в боях на Суэце. И мне интересно было услышать именно от него, человека, который вот уже пятнадцать лет носит военную форму, что главное характерно сейчас для армии.

— Выросло новое поколение военных,— раздумчиво отвечает майор.— Оно освободилось от пережитков старой армии, где большое значение придавалось социальным и возрастным отличиям. Это поколение начало понимать большую роль современной военной науки и техники и стало успешно осваивать и то и другое. Наша армия твердо знает, что Советский Союз — наш верный союзник, что он ведет постоянную борьбу с теми, кто посягнул на нашу землю и свободу, и она верит в силу арабского единства, в свою победу.

...Пески и заставы. У одной из них нам приходится немного задержаться. Патрули в белых с красными полосами касках проверяют документы у солдат.

— Это отпускники,— сказал майор Хассен и пояснил, что в армию, как и прежде, призывают с восемнадцати лет. Но если до 1967 года служба длилась три года, а потом, через десять лет, призыв повторялся, то теперь демобилизация приостановлена до конца войны. Поэтому раз в месяц поочередно солдаты и офицеры получают короткий, в три-четыре дня, отпуск и разъезжаются по домам.

...Вот и разбитые, исковерканные огненным смерчем кварталы фронтового Суэца. На одном из домов размашистый лозунг: «Труд, победа!». Медленно проезжаем залитые солнцем улицы изуродованного города. Здесь прежде жило около 300 тысяч человек, а теперь Суэц кажется необитаемым. Но город жив!

В кабинете заместителя начальника безопасности города, генерал-майора Мухиддина Хафага, нас встретили тепло и радушно.

— Мы гордимся дружбой с советским народом,— сказал генерал-майор Хафаг.— Мы знаем, что советская печать отстаивает наше справедливое дело, и внимательно следим за всем, что пишут советские журналисты о нашей борьбе.

Я спрашиваю генерал-майора, как живет Суэц сейчас, в дни короткой мирной передышки.

— Прекращение огня в Суэце и по всему фронту не меняет природы вещей в этом районе,— неторопливо отвечает он.— Жители Суэца, а я живу среди них уже третий год, хорошо знают коварство врага, знают, что, несмотря на соглашение о временном прекращении военных действий, бой может начаться в любой момент, и мы должны быть к нему готовы. Сейчас в городе столько людей, сколько необходимо для его жизни и обороны. Работает электростанция, водопровод и некоторые цеха разбомбленного врагами нефтеперегонного завода. Правда, бывают моменты, когда кажется, что жизни здесь нет, но это впечатление обманчиво. Жизнь в Суэце никогда не останавливалась, и она продолжается!

И словно в подтверждение этих слов в кабинет смущенно заглянул какой-то пожилой человек с узлом в руках. Увы, время нашей беседы истекло: каждый день от одиннадцати до двух двери кабинета заместителя начальника безопасности города открыты для любого жителя.

— Что бы вы хотели у нас увидеть? — спросил, прощаясь, генерал-майор Хафаг.

— Порт-Тауфик, — ответили мы,— если это, конечно, возможно!

...Порт-Тауфик и Суэц смотрят друг на друга с противоположных берегов залива. Но изрешеченный, простреленный мост, соединяющий два берега,—это уже граница передовой. Нас останавливают у контрольного пункта, и, дождавшись офицера связи, мы въезжаем на улицы Порт-Тауфика, изрытые траншеями. Целых домов здесь не существует. Оставив машину, идем по мертвому городу, который славился прежде своими белыми домами, утопающими

«Пирамида XX века». **Фото Митвали Эмам Митвали (ОАР).**

в зелени. Теперь это груда развалин в окружении обгоревших пальм. С тех давних, мирных дней у дороги стоит чудом уцелевшая рекламная Ника: на ее распростертых крыльях, пробитых осколками, сохранился адрес лучшего в городе отеля.

Под ногами, среди обрывков проводов и кусков штукатурки, я нахожу один за другим несколько осколков от разорвавшихся снарядов. Надпись на иврите обозначала калибр снарядов, изуродовавших ярко-голубой одноэтажный домик, у входа в который сиротливо стояло кресло-качалка. Снаряды, отправленные разбойничьей рукой, остановили здесь жизнь, а вьюны, приникнув к пробоинам дома, уже затягивали его раны буйными зелеными гирляндами.

Но эти мертвые дома оставались бойцами. Они прятали жерла замаскированных орудий и смуглых, темноволосых людей в истерзанных солнцем гимнастерках. Троих из них мы повстречали у развалин дома, стоявшего на самом берегу канала, против вражеских позиций. Трое парней не старше двадцати лет — служащий из Эль-Мансура, что в дельте Нила, рабочий из центра страны, Асьюта, и крестьянский сын из Вади-Хальфа, с самого юга Египта — больше года насмерть стояли на этой сожженной, начиненной осколками земле, потому что это их родина. А на том берегу, так близко, что их можно было разглядеть даже без бинокля, стояли пятеро. Враги...

На обратном пути, возвращаясь через Суэц, мы увидели лозунг: «Пусть каждый из нас будет Гамаль Абдель Насером!». Он был начертан у ворот того самого нефтеперегонного завода, о котором генерал-майор Хафаг сказал: «Враги прострелили ему сердце, но он живет и помогает сражаться!»

Здравствуй, Асуан!

А еще говорят, что чудес не бывает. Бывает! Во всяком случае, одно из них произошло поздним вечером в Асуане. Едва мы с московским архитектором Людмилой Макарычевой переступили с чемоданами в руках порог гостиницы, как навстречу с радостным криком бросился человек в белой тенниске — Юрий Омельченко учился с Людмилой в одном институте и был тем самым архитектором, которого мне предстояло разыскивать совсем не в Асуане, а по крайней мере километрах в пятнадцати отсюда, в поселке Сахара. Ну какой уж тут отдых с дороги! Бросив чемоданы, мы отправились бродить по городу, и наш гид, москвич из поселка Сахара, перво-наперво привел нас к спящему, черному Нилу. Отсюда скоро будет виден залитый огнями семидесятипятиметровый белоснежный цветок лотоса — монумент дружбы, который и привел под небо Африки выпускника Московского архитектурного института. Весной 1967 года в ОАР был объявлен международный конкурс на монумент дружбы советского и арабского народов, который должен был быть установлен у Высотной Асуанской плотины. Сорок восемь советских и арабских скульпторов представили свои работы. Жюри присудило первое место работе скульптора Эрнеста Неизвестного и архитекторов Юрия Омельченко, Петра Павлова. И вот последние полгода два москвича перебрались в поселок Сахара.

— Честно говоря, нам с Петром здорово повезло,— рассказывает Юрий,— вот уж не думали — не гадали, когда работали над конкурсным проектом, что нам посчастливится самим ставить его на земле Египта!

Назавтра мы смотрели со стометровой высоты на кипящий где-то далеко внизу, в водовороте, древний Нил, покоренный разумом, мужеством и дружбой арабских и советских людей. Перед нами во всем своем величии и мощи раскинулась Высотная Асуанская плотина, которую мировая печать называет «самой знаменательной вехой в истории экономического развития Египта». Будет освоено в общей сложности 1,25 миллиона федданов новых земель, из них 750 тысяч федданов подготовлено для посевов и уже используется около полумиллиона федданов. И это еще не все! Гидростанция Асуана ежегодно будет вырабатывать 10 миллиардов киловатт-часов электроэнергии, снабжая ею многие промышленные предприятия. Уже подсчитано, что в целом Асуанский комплекс повысит национальный доход страны на 234 миллиона египетских фунтов в год, а это ровно половина национального дохода дореволюционного Египта.

Но все эти сами по себе впечатляющие цифры бессильны рассказать о самом главном, что здесь происходит,— о рождении творцов нового Египта. Я встречала их в Асуане за рулем советских «МАЗов» и бульдозеров. Они дежурили перед пультом управления гидроэлектростанции, сидели в классах учебного центра, созданного с помощью Советского Союза.

...А вот и площадка, откуда монумент виден как на ладони. От огромной бетонной глыбы фундамента отходят, чуть развернувшись во все стороны, высоченные пилоны-лепестки.

— Избрав формой лотос,— говорит Омельченко,— мы решили рассказать о новом расцвете этого древнего и любимого египтянами цветка.

Юрий видит сейчас монумент таким, каким он еще будет: пять белоснежных двенадцатиметровых лепестков-пилонов свяжет между собой площадка для обозрения примерно на высоте 65 метров, а внутренняя сторона лепестков, подсвеченных лампочками, оформится барельефами, рассказывающими о дружбе советского и арабского народов.

— Нет, это невозможно рассказать,— с досадой машет он рукой,— вы обязательно должны приехать сюда еще раз, чтобы увидеть, как расцветет наш цветок дружбы!

Асуан — Каир — Москва.

Руководители партии и правительства несут урну с прахом Н. М. Шверника к Кремлевской стене.

Фото А. Гостева.

ВЕРНЫЙ СЫН ПАРТИИ И НАРОДА

24 декабря 1970 года после продолжительной болезни на 83-м году жизни скончался один из видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства, член Центрального Комитета КПСС, Николай Михайлович Шверник. Перестало биться сердце стойкого коммуниста, посвятившего всю свою жизнь служению партии и народу.

Гроб с телом Н. М. Шверника был установлен в Краснознаменном зале Центрального Дома Советской Армии имени М. В. Фрунзе. Здесь Москва прощалась с Н. М. Шверником. В почетном карауле у гроба Н. М. Шверника стояли руководители партии и правительства, видные партийные, государственные и общественные деятели, представители трудящихся столицы.

26 декабря Москва проводила Николая Михайловича Шверника в последний путь. Траурная процессия по улицам столицы проследовала на Красную площадь.

13 часов. На трибуну Мавзолея поднимаются товарищи Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Ф. Д. Кулаков, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев. Траурный митинг, посвященный памяти Николая Михайловича Шверника, по поручению Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР открыл член Политбюро ЦК КПСС А. Я. Пельше. На митинге выступили с речами кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, секретарь ВЦСПС В. И. Прохоров, слесарь завода имени Владимира Ильича Герой Социалистического Труда С. А. Антонов.

...Траурный митинг окончен. Руководители Коммунистической партии и Советского правительства направляются с урной к Кремлевской стене. Гремит артиллерийский салют. Под залпы салюта урна с прахом Н. М. Шверника устанавливается в нише и закрывается мраморной плитой.

ПОЛНОВЕСНЫЙ ПОДАРОК

Чемпион мира во втором тяжелом весе Василий Алексеев, выступая в турнире на Кубок СССР, продолжил серию своих замечательных рекордов. В начале нынешнего года Алексеев поднял в сумме трех движений 595 килограммов. Теперь его результат равен 625 килограммам. В течение одного года на тридцать килограммов утяжелил мировой рекорд советский спортсмен.

ПЕРВАЯ В МИРЕ

Советская гимнастка, чемпионка мира Людмила Турищева названа лучшей спортсменкой 1970 года. Таков итог традиционной анкеты спортивной редакции ТАСС, в которой приняли участие обозреватели семнадцати крупнейших телеграфных агентств мира.

Гаагская конвенция

В Гааге на конференции, созванной по инициативе ИКАО — Международной организации гражданской авиации, была подписана «Конвенция о незаконном захвате воздушных судов». Советскую делегацию на этом представительном форуме возглавлял заместитель министра гражданской авиации СССР Алексей Иванович Семенков.

В беседе с корреспондентом «Огонька» Алексей Иванович рассказал:

— За последние девять месяцев в разных странах мира были незаконно захвачены и угнаны 85 воздушных лайнеров с более чем 8 тысячами пассажиров. Акты воздушного пиратства вселяют серьезную тревогу, ибо без нормально действующих воздушных сообщений во всем мире немыслимо существование современного человеческого общества. В конференции приняли участие делегации 77 государств, а также наблюдатели от ООН и различных ассоциаций, связанных с воздушным транспортом.

Наша делегация прибыла на конференцию с твердым намерением выработать конвенцию, которая положила бы конец незаконному захвату воздушных судов. Это отражало позицию Советского правительства, его заботу о жизни и здоровье миллионов пассажиров и летного состава.

Выработанная конвенция послужит серьезной преградой для воздушного пиратства. В ней, в частности, сказано, что незаконный захват воздушного судна — серьезное уголовное преступление. И наказание для преступника неотвратимо, без каких-либо исключений. Ему нигде не будет предоставлено убежище. Преступника будут судить по уголовным законам той страны, в которой он задержан, или выдадут стране, которой принадлежит самолет. И еще одно немаловажное положительное качество Гаагской конвенции: ее универсальность. К конвенции может присоединиться любая страна мира.

В заключение следует сказать, что сейчас во всем мире, в том числе и в Советском Союзе, приняты эффективные меры по борьбе с угоном гражданских самолетов. Электронная техника и другие приспособления дают возможность заранее обнаруживать у преступников оружие и взрывоопасные материалы. Кроме того, как на международных, так и на всех внутренних авиалиниях в полете осуществляется надежная охрана пассажиров и летчиков. Приняты и другие действенные меры.

Слово внешнеполитическому обозревателю газеты «Юманите» Иву МОРО

ТРЕВОГИ И НАДЕЖДЫ

Как и в прошлые годы, война в Индокитае и напряженность на Ближнем Востоке были в 1970 году главными источниками беспокойства в международном плане.

Парижское совещание по Вьетнаму не сдвинулось с мертвой точки. Внесенные 17 сентября Нгуен Тхи Бинь от имени Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам предложения были направлены на деблокирование переговоров. Речь идет о том, чтобы США обязались вывести свои войска до 30 июня 1971 года, чтобы они отказались от попыток силой навязать Сайгону режим, для ненависти к которому у вьетнамского народа слишком много причин.

Но политическое решение не устраивает американский империализм. Он стремится навязать народам Индокитая свою волю, удваивая свою агрессивность. Вот почему в 1970 году сфера его враждебных действий расширилась вплоть до возобновления войны против Северного Вьетнама, на территорию которого 21 и 22 ноября были совершены массированные воздушные налеты.

На Ближнем Востоке поддержка, оказываемая Соединенными Штатами израильским правителям, поощряет последних упрямо отказываться от единственно возможного пути урегулирования: а именно — пути, начертанного резолюциями ООН, которые предусматривают вывод израильских войск с оккупированных арабских территорий.

Тем не менее борьба арабских народов против израильского экспансионизма, поддержка этой борьбы Советским Союзом и другими социалистическими странами, а также солидарность с ней мировой общественности приносят свои плоды. Израильскому генштабу пришлось отказаться от рейдов в глубь Египта, предпринимавшихся в начале года. Наступившее прекращение огня должно было позволить начать под эгидой ООН переговоры с целью претворить в жизнь решение Совета Безопасности. Однако на протяжении нескольких месяцев израильское правительство в ходе переговоров само себя разоблачало. И, как это было видно в случае с иорданским кризисом, империализм ищет ситуации, позволяющие ему предпринимать новые авантюры.

В других районах мира империалистам пришлось в прошлом году основательно потесниться. Так, в Африке инспирированные ими волнения в Нигерии окончились в начале 1970 года совсем не так, как замышляли враги мира. А недавно Гвинея разгромила вооруженную вылазку португальских колонизаторов.

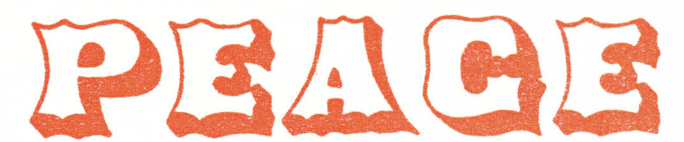
Во многих странах Латинской Америки все более оспаривается североамериканское господство. В Чили пришло к власти правительство народного единства.

Крупные успехи в деле разрядки напряженности и мирного сотрудничества принес истекший год европейскому континенту. В этом смысле договоры между СССР и ФРГ и между Польшей и ФРГ представляются важными достижениями социалистических стран; они укрепляют безопасность государств всей Европы.

Новым этапом во франко-советском сотрудничестве явился визит в СССР президента Франции Помпиду. Общественное мнение Франции положительно оценило принятые в этой связи решения о расширении в различных областях контактов между двумя странами. Это даст исключительно плодотворные результаты не только обоим государствам, но и делу мира в Европе.

В 1970 году прокладывала себе дорогу идея о созыве общеевропейского совещания по проблеме коллективной безопасности. Нет ни одной сколько-нибудь веской причины, чтобы откладывать созыв совещания. И все же империалисты, прежде всего американские, отнюдь не хотят покончить с политикой блоков. На сессии Совета НАТО в Брюсселе они всячески стремились поставить подготовку европейского совещания в зависимость от успеха переговоров по Западному Берлину. Но упорствуя в дискриминационной политике в отношении ГДР, они сами же создают препятствия, поскольку решение вопроса о Западном Берлине должно учитывать необходимость уважения суверенных прав Германской Демократической Республики.

«Жесткий курс» американской политики, подтвержденный на декабрьской сессии НАТО в бельгийской столице, соответствует действиям американских агрессоров в Юго-Восточной Азии. Как в одном, так и в другом случае они стремятся задержать развитие событий, идущее вразрез с их волей к господству. Но их возросшая агрессивность противопоставляется политическим, военным и дипломатическим успехам борющихся народов. Именно крепнущее единство действий всех антиимпериалистических сил может сделать эти достижения и успехи решающими. Этого, пожалуй, больше всего хочется пожелать в наступившем, 1971 году.



1971

ALEK·LILA·ANTON REFREGIER

«МИР» — так назвал известный американский художник Антон Рефрежье работу, которую он прислал в «Огонек».

Владимир КОТОВ

НОВОГОДНЕЕ СЛОВО

С Новым годом тебя,
товарищ!
Стрелка движется,
как перо.
Что в минувшем
ты оставляешь?
Что в Грядущее
ты берешь?
Четко вьются снежинки,
снежинки
звездопадом январской красы.
И пуржинки
гудят, как пружинки,
или это сигналят часы?!
Рождены мы
для мудрого счастья:
жить, дерзая,
творя и любя.
Целиком в человеческой власти
утвердить человеком себя!
Вот за истины высшие эти,
людям свет незакатный даря,
начался в славный год
на планете
величавый поход Октября.
Чтобы пятились в Лету,
ощерясь,
рабство,
войны,
бесправье,
нужда.
Чтоб все темное,
звéрье,
пещерье
сокрушить, сокрушить навсегда!
На дорогах шагающей вечности
каждый час,
каждый день,
каждый год —
«Вырывайтесь
из бесчеловечности!» —
Революция наша зовет.
И всему она главная мера,
каждой мелочи смысл придала.
Что такое новая эра?
Это ты
и твои дела!
Что ты сделал для жизни,
для мира
за ушедший еще один год?
Что ты сделал для Родины милой,
возглавляющей славный поход?
Пишет снег письмена по касательной,
все минуты на четком ходу.
Что ты сделаешь обязательно
в наступающем Новом году?
Ты о многом сейчас себя спросишь,
ведь, Грядущее торопя,
нет, ответственности
не сбросишь
за идущее время
с себя.
Что берешь ты?
И что оставляешь?
Новый год
убыстряет разбег...
С Новым годом тебя,
товарищ!
С Новым годом тебя,
человек!

1 ЯНВАРЯ — ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ КУБЫ

«Революция — это мы»

Петр РЕШЕТОВ

Сейба — это дерево со стволом в три-четыре обхвата. Мощные корни, напоминающие ноги слона, прочно связывают его с землей. Посаженные вдоль дорог сейбы образуют длинный туннель.

Но сейба не просто украшение. Стволы и ветви используют в производстве целлюлозы, плоды, содержащие волокнистую массу, идут на изготовление подушек, а из цветов делают красители. Может быть, вот эта полезность дерева привела к тому, что его именем назвали один из планов преобразования сельского хозяйства на Кубе.

— Возможно, и так,— говорил нам директор «плана Сейба» Густаво Крус Рамирес. Мы едем с ним из Гаваны на «газике» в его хозяйство. Первая остановка — на плантации цитрусовых. Идет обработка апельсиновых деревьев. По красному полю (таков цвет наиболее плодородных земель на Кубе) снуют десятка два маленьких тракторов тоже ярко-красного цвета.

— Побывали бы вы на землях нашего «плана» три года назад, когда мы только начинали,— говорит Густаво.— На этой территории находилось более 600 мелких хозяйств. Обработка земли была примитивной, удобрений никаких. В итоге крестьянин не обеспечивал продуктами со своего участка даже семью.

Большинство трудоспособных крестьян теперь работают в коллективе. Комплекс неверия исчез, как только на полях появились первые агрономы и машины. Индивидуализм сменяется чувством коллективной ответственности. Родилось соревнование. Первые результаты налицо. В 1970 году уже получен неплохой урожай кофе, ананасов, апельсинов. Но это только начало,— улыбается Густаво.— Главное, люди поверили в успех.

«Революция в нас», «Революция — это мы»,— говорили все, с кем мы встречались на Кубе.

Тот, кто хоть сколько-нибудь знаком с историей Кубы, знает, какое тяжелое наследие оставил республике американский империализм. Только официально было зарегистрировано более 600 тысяч безработных. Многие кубинцы гнули спину по 16—17 часов на плантациях сахарного тростника у латифундистов. Большинство же населения было занято в малооплачиваемой и неблагодарной сфере обслуживания.

Почти все пришлось начинать заново.

— Возьмите животноводство,— говорит Хосе Луис Санчес, директор центра генетических исследований.— На Кубе было малопродуктивное молочное и мясное стадо. А каким был сам животновод? Ковбой, который с лассо носился за коровами, обращаясь с ними, как с дикими животными. Идет кропотливая работа по созданию высокопродуктивного стада. В провинции Гавана таких центров, как наш,— десять. Сложная это работа и, главное, требует времени,— заключает Луис Санчес,— но мы верим, что в конечном итоге на Кубе будет новое стадо, дающее ежедневно 25—30 миллионов литров молока.

Он называет цифры, намеченные Коммунистической партией Кубы на ближайшие десять лет. Предусматривается прекратить импорт молочных продуктов, что будет экономить каждый год до 30 миллионов песо. Увеличение же производства мяса позволит превратить его в один из продуктов национального экспорта.

Сегодня вся республика в планах. В одной только провинции Гавана их более ста. Это планы развития посадок сахарного тростника и производства сахара, роста поголовья крупного рогатого скота, свиней, птицы, выращивания цитрусовых, бананов. В основу планов положены точные данные о земле и ее возможностях, о наличии рабочей силы. Осуществляются они в тесном содружестве с Кубинской Академией наук.

Кубинцы гордятся своими победами. И заслуженно. Они добились их путем поистине героического напряжения всех сил. Революция на Кубе сделала главное — она вручила судьбу страны народу. В стране уже сейчас решены основные проблемы социального обеспечения: осуществлено бесплатное образование. Более 2 миллионов 200 тысяч человек село за парты в 1969—1970 году. Государственные ассигнования на нужды просвещения в 1969 году составили 290,6 миллиона песо, в 1958 году они достигали лишь 77 миллионов. Медицинское обслуживание также бесплатное. На нужды социального обеспечения, общественного здравоохранения и просвещения расходуется 850 миллионов песо, это в 4 раза больше, чем в 1958 году.

В борьбе за новую жизнь Куба не одинока. Рядом с ней Советский Союз и другие социалистические страны. При содействии СССР реконструируется крупнейший в стране металлургический комплекс имени Хосе Марти, ведутся геологоразведочные работы, составляется геологическая карта острова, осуществляются преобразования в сельском хозяйстве. Сотни советских специалистов рука об руку трудятся с кубинскими братьями на всех важнейших участках социалистического строительства. Выступая на митинге по случаю десятой годовщины кубинской революции, Фидель Кастро говорил: «В эти дни, когда для нашей родины начинают вырисовываться успехи, прекрасное будущее, следует сказать, как много означала для нас солидарность социалистического лагеря, и особенно поддержка Советского Союза. Эта помощь была решающей для нашей страны в эти трудные годы».

В течение двух недель мы, делегаты Советского комитета защиты мира, путешествовали по Кубе. Дорога на аэродром Хосе Марти стала последней нашей дорогой на этом острове. Начинался новый жаркий день. На полях, что протянулись вдоль шоссе, уже кипела работа. По краям дороги высились могучие сейбы. Зеленые кроны их закрывали от нас небо. Цветет сейба крупными красными цветами. Цвет, который так любим на Кубе и с которым Куба навечно связала свое будущее.

А. Лысенко. МЫ ПУТЬ ЗЕМЛЕ УКАЖЕМ НОВЫЙ.

Художественная выставка «Советская Россия» 1970 года.

Н. Соломин. КАЖДЫЙ ХОТЕЛ ПОГОВОРИТЬ С ЛЕНИНЫМ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

АЛЕНУШКА

Эдуард **КОРПАЧЕВ**

РАССКАЗ

Рисунки И. ПЧЕЛКО

Была желанна взгляду бегущая эта дорога среди сплошной равнины, зеленой от подрастающей ржи, и временами казалось Варе, что на всей планете только равнина, только неохватное поле, а потом все-таки встали на пути березовые и дубовые леса, и машина покатилась через лесную деревеньку Зотино, вдруг сразу перенеся Варю на родину. Нет, не Зотино было ее родиной, а соседнее Уборье, и еще там, в городе, на галено-фармацевтической фабрике, когда сказал мастер, что будет проведен воскресник по сбору лекарственного сырья и что выедут куда-нибудь подальше, в Зотино, например, Варя глубоко вздохнула, как будто вбирая в грудь родной воздух, каким она будет дышать в этом Зотине, хотя в соседнем Уборье жила она недосмотренной девочкой в детстве, но ведь и в Зотине растут те же березы и те же травы, и все ей напомнит родные места. И еще там, в городе, в новой квартире своей, весь вечер накануне поездки думала Варя о березовых и дубовых лесах и уже так отчетливо представляла белые стволы и зеленые кроны, точно галлюцинации стали преследовать ее, и тоже неотступен стал странный какой-то стих, который мысленно все повторяла и повторяла она: «Леса и перелески, березняки и дубравы...»

Много женщин со скатанными в трубочку мешками на коленях ехало на машинах, и все они, веселые, обновленные поездкой, смотрели и смотрели в сторону исчезнувшего города, словно никак не желая расставаться с семьями и домами. А в Зотине, едва покатила машина мимо изб под рубчатыми крышами, мимо лесных деревьев, будто отставших от зеленой толпы и разбредшихся по огородам и улицам, женщины стали поворачиваться, привставать, изумляться: какая красота кругом, какая красота, хотя трудно было разглядеть из-за пыли прекрасную деревеньку, и как ни подталкивала Варю в бок подружка Стелла Коренева: «Гляди, гляди, Варь!» — Варя оставалась сидеть, вдруг ощутив свое превосходство, потому что здесь она росла — если не в Зотине, так в Уборье. И все-таки и она глядела вокруг сквозь пыль, а ранний восторг женщин казался ей неискренним, но ведь собирались на воскресник, как на праздник, всем хотелось лесной тишины, майской прелести, и после городских комнат, кухонь и ванных все, представшее сейчас в лесном Зотине, должно быть прекрасным... Благословенны леса и перелески, березняки и дубравы!

Уже теснились все у бортов, уже готовились соскочить вниз, хотя машина пока не сбавляла ход, и Варя, слегка располневшая к своим тридцати годам, но не ставшая бабой, с модной прической, с крашенными под каштан волосами, ласково взглядывала на женщин и сидела кроткая, сознавая, что ее попутчицам хочется скорее в лес, оттого они так и нетерпеливы.

На повороте, когда еще и не проехали деревню, машина остановилась, все стали перелезать за борт, а шофер Борис, выскочив уже из кабины, тянулся к ним руками, воркуя: «Ну кому помочь? Кому помочь?» — да только от него отбрыкивались, повизгивали, спрыгивали опасливо, придерживая легкие летние платья, становящиеся вдруг парашютами.

И вот тут впервые увидела Варя ясноглазую румяную девочку, показавшуюся ей знакомой и даже родной, так что эта девочка напомнила ей о многом и заставила весь день думать о ней, как о себе,— весь день, пока ходила Варя по березнякам и дубравам, пока возвращалась потом в пустынный воскресный город, пока лежала в постели в полуночной тишине, слушая дыхание мужа Вадима и едва различимый посвист сына, трехлетнего карапуза...

Девочка эта в капроновом платочке смотрела на заезжих людей равнодушно, вовсе не интересуясь чужими людьми, и лишь на Варю взглянула пытливо, и когда взглянула она так ясными, незабудковыми глазами, Варе страстно захотелось, чтобы признала она в ней свою, деревенскую, и девочка живо, родственно спросила:

— Вы не Матруненковы будете?

— Матруненкова я,— счастливо ответила Варя.— Только не из Зотина, а из Уборья.

«А ты? А ты? Чья будешь ты?» Тут же захотелось ей все разузнать об этой девочке, такой знакомой, близкой, похожей, быть может, на кого-нибудь из позабытых школьных сверстниц, но если девочка и не была дочкой выросшей, взрослой школьной сверстницы, то все равно казалась почти школьному знакомой, ну хотя бы сошедшей со страниц букваря. «Да ведь это Аленушка из хрестоматии по родной речи, из русской народной сказки!» — поразилась Варя мгновенной догадке: те же ясные глаза, тот же нежный, морковный румянец на щеках, лишь ситцевый платочек сменила на капроновый. И, опасаясь, что тотчас же Аленушка отвернется, Варя попыталась вернуть Аленушку, ее взгляд, ее чистый голос:

— Ты с нами пойдешь? Мы ландыши собирать будем для лекарств.

— Сейчас передача будет,— возразила эта знакомая, хрестоматийная девочка.

— Какая передача? — спросила Варя, думая, что по радио диктор опять прочитает важное сообщение.

— Да по телевизору. Для детей,— снисходительно ответила Аленушка и поспешила в широкую, со многими окнами избу и уже у ворот, на которых сидела пепельная кошка, повернулась к Варе: — А вы заходите в гости.

«Иди, иди, Аленушка,— мысленно говорила ей Варя,— где уж мне, из другого я детства, а ты вон какая счастливая...»

И пока не скрылась в избе счастливая эта девочка, все стояла Варя и чувствовала, как ей захотелось вдруг в Уборье, чтобы люди узнавали ее или не узнавали, чтобы радовались, какая она теперь, а ведь была худенькой, недосмотренной девочкой, чтобы постояла она, Варя, у своей постаревшей избы, где совсем другие люди живут, где нет никого из родных, разлетелись братья по свету, и лишь могила матери на краю Уборья, в роще...

А женщины уже разбредались по опушке, разматывая пустые мешки, сторонясь шофера Бориса, который улыбался нехорошо, порочно, и Варя ступила следом за всеми в лес, и лес над нею сомкнулся, как смыкался когда-то в детстве.

Какою особою, юною зеленью зелены деревья в мае, но им недолго стоять такими, и вот глядишь на салатовые дубовые листья, скрывающие черноту коры и ветвей, и думаешь, что уже через месяц, в июне, в середине лета, станут грубыми, темно-зелеными эти листья, многие цветы уже будут беречь до августовских ветров семена, станут реже тенькать, пищать, заливаться птицы: недолог срок лесной молодости.

А пока все цвело, все звало, говорило о себе: живу, живу! С краю леса, по канавам, среди молочая густыми телесно-розовыми соцветиями восходил тысячелистник, на влажных, болотистых местах багрово цвел сабельник, а на полянах тесно было от белой, с раздельными лепестками звездчатки, от мелких зеленых соцветий манжетки, от фиолетовых продолговатых цветков сочевичника, от изысканной, палевыми чарочками возносящейся купальницы, от похожих на неулетающих шмелей цветков черноголовки, и особенно поразительным было цветение проломника северного, который, несмотря на свое громкое название, имел цветок размером с сахарную песчинку.

Может быть, никогда прежде не бывала Варя в зотинских лесах, а лишь в своих, уборьинских, она и не пыталась узнавать соседние леса, наклонялась и срывала продолговатые листья ландыша и бросала их в один мешок, а цветы ландыша, точно сделанные из матового стекла,— в другой, и все не забывала о счастливой серьезной Аленушке, все раздумывала о ней и вдруг выпрямилась, узнавая, кого напоминает ей эта девочка. Не хрестоматийную Аленушку, не дочку выросшей, повзрослевшей сверстницы, а другую девочку, жившую в послевоенном Уборье,— ее, ее, Варю, напоминает!

Да, было и ей, как этой Аленушке, семь или восемь годков, уже прошла война, но время стояло сиротское, голодное, и Варе надо было помочь матери прокормить двоих меньших братьев, а еще ничего не успело вырасти в мае на огороде, и в лесу, кажется, тоже ничем нельзя было поживиться, но все же Варя приносила в мае из ле-

су щавель и несколько ранних, словно бы для ее голодных братьев народившихся грибов, и когда бежала домой, неся за пазухой твердые подосиновики и подберезовики, то словно бы становилась сыта их сыромятным запахом. Господи, как давно это было!

В невозвратном далеке затерялось ее детство, печальное, скудное на утехи, почти чужое теперь, и Варя вдруг ощутила, что совсем не подготовлена ее душа к безрадостным воспоминаниям, и эта забывчивость души вызывала досаду. Нет, изредка ей вспоминалось в городе что-нибудь прежнее, деревенское, послевоенное, но вспоминалось мимолетно, без глубоких переживаний, потому что шла каждодневная суетная жизнь, надо было думать о муже Вадиме, который водил такси, о своей работе на фабрике, о том, как бы успеть до смены отвезти сына в ясли. Да и кому нравятся печальные воспоминания? Мы гоним их прочь, мы включаем веселую музыку или идем на стадион, мы хотим интересной, ровной жизни, понимаемой нами как счастливая жизнь, и нам кажется, что все будет постоянно: молодость, смена воскресений и будней, безбедное течение времени. И даже вечером накануне поездки, когда умывалась Варя в сверкающей кафелем ванной, охотно взглядывая в затуманенное зеркало и видя там располневшее тело, как бы подернутое прозрачным капроном, она не столько думала о том, что на краю Уборья, поблизости которого они будут собирать целебные травы, схоронена ее мать, сколько о том, что вот войдет завтра в запахи, в звон, шелест, духоту майского леса, что весь день она будет наблюдать только цветение, только красоту...

Вот она, красота, была у нее под руками, стелилась ей под ноги, и Варя, волоча мешки и сощипывая в них листья, плотные, точно выкрашенные поверх зеленой масляной краской, и плеяды цветов, как бы сделанные из матового стекла, слушала перекликающиеся голоса женщин, неожиданно звонкие, похожие на голоса детей, иногда вскидывала голову, звала просто так, вступая в перекличку, Стеллу Кореневу, следила за полетом пестрой крепдешиновой бабочки. А когда возле старого, с обнаженными корнями пня, похожего на спрута, бросился ей в глаза тугой пробившийся подосиновик с кожевенной шляпкой, Варе вспомнилось, с какой безмолвной молитвой склонилась она однажды перед таким же подосиновиком, выведшим из тенистого скрада кучку красноголовых грибов. Это было все в том же деревенском детстве, в один из майских дней, когда она зря пробегала по лесу, искололась о елки, вышла из лесу при пустых руках и лишь тут осознала, что нельзя ей возвращаться к братьям ни с чем, и она опять нырнула в зеленое безбрежье, лес сомкнулся над нею, чтобы где-то на поляне, на свету, открыть ей маленькое грибное сокровище. И какая там еда — несколько подосиновиков, но все-таки еда.

С этим воспоминанием, когда теперь глядела Варя на красную кожевенную шляпку гриба и не пыталась срезать ее, обступившая Варю красота не то чтобы померкла для Вари, а словно бы стала естественной, такой, как была в детстве. Тогда, прежде, ничто не казалось ей волшебным в зеленом урочище, тогда изученный лес был кормителем, а потом растила Варя и отправляла в город меньших братьев, чтобы вскоре податься следом за ними и самой; город принял ее, повстречала она там Вадима, со стройки перешла на галенофармацевтическую фабрику, и если сначала пришлось им с Вадимом тесниться у свекрови, то вот уже несколько лет живут они в прекрасной новой квартире, и совсем немногого им с Вадимом не хватает в городе: тех редких побывок в березняках и дубравах, о которых мечтает каждый горожанин.

Вздохнув, Варя оставила гриб подосиновик расти, а сама побрела дальше, наклоняясь к земле и выпрямляясь, вслушиваясь в голоса женщин и в голоса птиц и замечая их, женщин, кругом за кустами; и когда разглядела Варя, что многие уже сбросили свои легкие платья, остались в купальниках и что одна из них, высокая, с узкими плечами, напоминает кенгуру, то подумала о том, что лес, наверное, умиротворяет человека и сбрасывает иные, незаметные глазу покровы с души. Легко человеку в майском лесу, и хочется ступать босыми ногами, и боязно ступать: роятся перед глазами белые, синие, яично-желтые цветы!

А Варю лес, наоборот, не успокаивал, и понимала она, что случайная встреча с этой счастливой Аленушкой теперь все время будет напоминать о той, другой, послевоенной недосмотренной девчонке, которой удавалось принести из лесу самые первые, самые сытные грибы. Как странно, что все это почти забылось! Как странно, что даже вечером, накануне поездки, когда умывалась Варя в ванной, изредка подглядывая за собой в замутненное зеркало, ей вовсе не думалось об этом, а думалось только о предстоящей дороге, о работе в лесу, похожей на отдых, как она с женщинами будет перекликаться, будет прятаться от Стеллы Кореневой, чтобы та кричала ее имя на весь лес, и как потом обо всем этом, веселом, несколько праздничном, будет рассказывать Вадиму, заранее зная, что Вадим лишь сделает вид, будто слушает ее, а на самом деле копаться будет в своем магнитофоне. Что ж, она знала мужа и заранее прощала его безучастность. А теперь, едва вспомнила о тех послевоенных грибах, доставшихся ей с таким трудом, едва подумала, что станет говорить Вадиму, вернувшись в город, о самом главном — о тех послевоенных грибах, — то представила, как Вадим, чисто выбритый, воскресный, сосредоточенно будет внимать ей, на самом деле занятый лишь своим магнитофоном, лишь самим собою, и теперь вдруг возненавидела его за это будущее равнодушие. И уже как-то просто, без ничьей подсказки, поняла, что никогда мужа не волновали по-настоящему ее мысли и боли, что жил он лишь своей работой, своими сменами, рейсами и вот этим магнитофоном, с которым, кажется, как-то по-особому разговаривал, когда закладывал ролик, включал, и прислушивался с улыбкой на красивых тонких твердых губах, и выглядел в эти мгновения таким чутким. А песни на магнитофонных лентах были разные, хорошие были песни, и когда мужественный мужской голос рассказывал о горах и о том, что лучше гор могут быть только горы, она почему-то представляла своего Вадима где-то в коричневых скалах, среди альпинистов, заросшего, оголодавшего, едва не сорвавшегося в пропасть, и так по-бабьи жалела его, бедного, хоть ни разу в жизни не видели гор наяву ни она, ни Вадим.

Еще вечером, накануне поездки, она и предполагать не могла, что так внезапно станет ей Вадим чужим, что ее так остро обидит это будущее, ожидаемое его равнодушие. А ведь таким, каким он был вечером, накануне поездки — невнимательным, занятым лишь самим собою, — таким он предстанет перед нею и вечером после поездки, таким он был всегда, и ничего удивительного, и странно лишь, что она видела в этом мужчину самостоятельного и была покойна за него, непьющего, всегда приносящего ей всю получку нетронутой. И привычно ей было жить с молчаливым Вадимом, привычно было утешаться подрастающим сыном, тоже немногословным пока, удавшимся, видно, полностью в отца, а вот сейчас, когда представила она, каким спокойным будет Вадим, когда скажет она ему о голодных тех днях после войны, о кожевенно-тугих грибах, которыми спасалась вся семья, сейчас Варя на миг отчаянно захотела оставить мужа в городской квартире, а самой перебраться куда-нибудь поближе к березовым и дубовым лесам — в Зотино или в родное Уборье, что ли.

«Ох, далеко завела, сестрица Аленушка!» — оробело вздохнула Варя, пугаясь дерзкой, сумасшедшей своей мысли, и, точно видя внутренним, памятным зрением счастливую хрестоматийную Аленушку, похожую на недосмотренную ту послевоенную девочку, пошла дальше по лесу, не забывая обирать ландыши.

А в лесу все звенело, подавало голос, тут рай был для малиновок, щеглов, пеночек, клестов, и прямо под березой открылось Варе свитое гнездо с пятью зеленовато-серыми, веснушчатыми яичками, и не успела она присмотреться к ним, похожим на отшлифованные камешки, как сбоку снизилась и села опрятная серо-седая птичка. Ошеломленная ее воинственностью, Варя перебежала вперед, на поляну, посреди которой росла цветущая дикая вишня с потеками медово-бронзовой камеди на стволе, и поразилась множеству белого цвета: изваянных из матового стекла ландышей, и ползучей земляники, и фарфоровой дроби майника.

Нет, уже не покидала Варю сестрица Аленушка и словно бы подсказывала ей, что виновата во всем она сама, Варя, что так ей и надо и нечего ненавидеть мужа за будущее его равнодушие, когда не будет он потрясен ее рассказом о послевоенных грибах, ведь и сама она почти забыла мрачную, голодную жизнь, безотцовщину, все у нее было в городе прочно и хорошо, и любила Вадима за его сдержанность, и любила сына, удавшегося в отца, и вот поехала в майский лес точно бы по новую радость, что ли. А лес никакой ей радости не дал, словно это был тот, давний, послевоенный лес...

Господи, да как же могла она забыть ту недосмотренную девочку, и меньших братьев своих, ждущих ее из лесу с подтянутыми, пустыми животами, и мать, над которой уж столько лет склоняются в роще березы, оберегая непрерывный, вечный покой ее? Как могла она забыть Уборье, эту грустную родину, где росла и причащалась терпению ее душа?

И Варя огляделась вокруг — на березы, дубы и липы, меж которыми ходили звонкоголосые женщины, на праздновавшую

свое цветение землю, словно спрашивая лес о своей забывчивости, а ответила Варе, ее растерянности кукушка, и когда ответила незаметная птица успокоительно-печальным, однотонным кукованием, Варе с такой впечатляющей близостью, с такой первозданной мукой представился тот день, когда она опять вернулась в лес и все-таки нашла, нашла несколько подосиновиков, и так ярко увиделось, как младшие братья стали гладить испачканными, землистыми пальцами кожевенные шляпки грибов, что она выронила вдруг мешок и со стоном повалилась лицом в траву.

Она плакала, а кукушка куковала, а лес зеленел и цвел. Может быть, долго плакала Варя, и солнце тем временем поднималось в зенит, но когда разыскала ее Стелла Коренева и приподнимать стала, спрашивая тревожно: «Что ты? Ну что ты? Сердце?» — Варя уже не плакала, хотя влажными были ее глаза.

— Ну что ты, Варь? Кто тебя, а? — все вопрошала Стелла Коренева с той обидной требовательностью, с какой обращаются матери к плачущим.

И Варя ответила виновато, повернувшись, как ей самой показалось, в сторону уборьинских лесов:

— Жила я тут рядом, в Уборье...

— Ну и нечего реветь. Всю жизнь учат нас мужики. Наобещают с три короба, смеются потом, а мы их все помним, дуры. У меня самой такое было, когда девкой была,— по-своему поняла Стелла Коренева ее слезы, ее печаль.— Кончай реветь!— вдруг приказала она и потянулась к полупустому Вариному мешку.

Теперь Стелла Коренева помогала ей собирать, но все равно как бы не она, Стелла Коренева, была с нею рядом, а все та же счастливая Аленушка, такая родственная Варе особенно теперь, и мысленно она говорила Аленушке названия трав и цветов, потому что в детстве, подобно Аленушке, не знала названий, а лишь потом, на галено-фармацевтической фабрике, травы обрели для нее свои имена, и она их называла теперь мысленно: вот этот цветок, похожий на уменьшенный одуванчик,— это ястребинка, а это подмаренник, это копытень, а вот высокая трава, на стебле которой повисла влажной белой слюнкой чья-то личинка, называется ежа.

Уже не перекликались женщины звонко, диковато, уже собирались вместе и устало напевали что-то знакомое, слышанное Варей дома, на проигрывавшейся магнитофонной ленте, и Варя понимала, почему удалось так быстро наполнить мешки всем городским женщинам, жадничавшим в майском лесу, и она знала, что сейчас станут собираться домой, вот и шофер Борис опять обнимает кого-то за талию, воркуя: «Тебе помочь? Помочь нести?» И когда она осознала, что кончается ее невеселая побывка в лесу, что вот сейчас погрузятся на машины и покинут лес, Зотино, Аленушку, то обвела пеструю, пятнистую от солнца землю памятливым взглядом, вновь уловив зазвучавший лишь для нее, неотступный какой-то стих: «Леса и перелески, березняки и дубравы...»

Выходили из лесу, волоча целебное сырье, смеялись, вскрикивали, потом забрасывали сырье в кузова, заходили в избы попить воды, а молока не надо, лучше холодной колодезной воды и забирались в кузова с огладкой, гоня прочь шофера Бориса и снова посмеивались, взвизгивали вдруг.

Варя тоже сидела в кузове рядом со Стеллой Кореневой, которая заботливо держала руку на ее плече, и все разыскивала взглядом Аленушку, и когда появилась эта хрестоматийная и все же какая-то новая девочка, Варя даже приподнялась, чтобы та увидела ее, позвала.

— А вы чего собирали? Шишки? — спросила она у Вари смело, как у своей, деревенской.

— Я же сказала тебе: ландыши. Для лекарств,— радостно ответила Варя.

— Так я сейчас! — крикнула девочка и побежала к избе.

А выскочила она с пучком заржавевших ландышей, с которого капала комнатная вода, но машина уже тронулась, и Аленушка так и стояла с пучком в руке, а Варя стояла в кузове, и Стелла Коренева дергала ее: «Да садись ты, садись!»

Снова была дорога среди равнины, зеленой от подрастающей ржи, были мягкие толчки, переглядывания женщин с воспаленными от солнца лицами, ленивые разговоры, шмелиный звук работающего мотора, и Варя уже тосковала по дому и видела свою чистую квартиру, белый кафель ванной, витой шнур телефона, видела сына, карапуза своего, и сдержанного, немногословного Вадима и как будто бы рассказывала Вадиму о встрече с деревенской девочкой, о послевоенных грибах, а он ничем не отвечал ей, потому что не было его здесь, и настигшее ее в лесу мгновенное, внезапное желание уйти от Вадима теперь казалось ей безрассудным.

Как и все женщины, ехала она лицом к исчезнувшему Зотину и все глядела в уходящие, становящиеся горизонтом леса и перелески, березняки и дубравы.

Анатолий ПОПЕРЕЧНЫЙ

ЗВЕЗДНОЕ ВРЕМЯ

Двадцатый век
Вершит свой звездный бег.
Сверкают рельсы —
Синие полозья.
Какие силы запрягает век!
Атомоходы и электровозы.
Ракеты.
Быстроходней нет ракет!
И смотрит космонавт
В упор на Солнце...
И остается в небе
новый след.
И век неудержимо
вдаль несется!
Мелькают, словно вехи,
Города,
Созвездья ГЭС,
Бетонные плотины.
Года семидесятые —
Гряда
Больших свершений,
Замыслов былинных.

Великая Советская земля,
Страна,
Где посчастливилось родиться
И мне, певцу ее.
И колоситься
Да будут вечно
Думы и поля!
И я хочу с ее дыханьем слиться,
Постигнуть новых замыслов разбег.

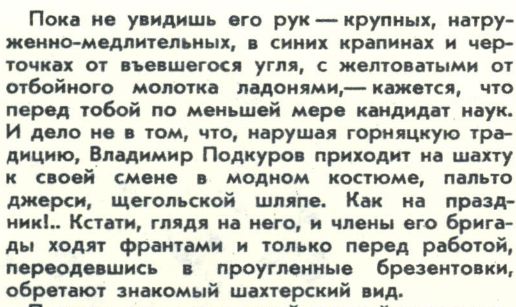
Крылатая пора!
Двадцатый век!
Нам встречный ветер
овевает лица.

И, преодолевая расстоянья,
Пространства,
Притяженье,
Высоту,
Ты, словно в шлеме
вещего Бояна,
Вступаешь, Песня,
в новую страду.

Космический размах!
Прокатных станов
Полозья огненные.
Звездных просек стынь...
И всё в движенье!
Словно полустанок,
Минувший день
Уже уходит в синь...
И я машу ему рукой вослед:
Прощай!
И здравствуй, новый.
Как поется!..
И остается в небе
гордый след,
И век неудержимо
вдаль несется!

ПО ЗАКОНУ НАИБОЛЬШЕЙ

Вячеслав КОСТЫРЯ,
специальный корреспондент «Огонька»



Пока не увидишь его рук — крупных, натруженно-медлительных, в синих крапинах и черточках от въевшегося угля, с желтоватыми от отбойного молотка ладонями,— кажется, что перед тобой по меньшей мере кандидат наук. И дело не в том, что, нарушая горняцкую традицию, Владимир Подкуров приходит на шахту к своей смене в модном костюме, пальто джерси, щегольской шляпе. Как на праздник!.. Кстати, глядя на него, и члены его бригады ходят франтами и только перед работой, переодевшись в проугленные брезентовки, обретают знакомый шахтерский вид.

Послушаешь сдержанный, полный внутреннего драматизма рассказ бригадира о бесчисленных поединках (из своих тридцати лет Владимир уже десять работает в шахте) с подземной стихией, и становится понятным, почему обычно скупой на похвалу директор горловской шахты «Комсомолец», потомственный горняк Анатолий Иванович Трофимов, пригласив Владимира Владимировича Подкурова к себе в кабинет, восторженно воскликнул: «Это же настоящий профессор забойщицкого дела!.. Пятилетку выполнил еще в 1969 году». А известный донецкий механизатор лауреат Ленинской премии Сергей Владимирович Михеев добавил: «В самых сложных геологических условиях Подкуров со своими хлопцами, уверяю вас, действует так же смело и расчетливо, как искусный хирург и его ассистенты при пересадке сердца...»

Есть, конечно, и разница. Осваивая трудный пласт, Подкуров каждый раз «пересаживает» в него свое собственное сердце. Иначе угля не взять. За последние годы все на шахте привыкли к тому, что подкуровская бригада имеет дело с почти безнадежными «пациентами». Это угольные лавы, заливаемые потоками подземной воды, взрывоопасные из-за обилия метана, узкие и крутые настолько, что в них можно работать лишь — как бы это сказать? — стоя в профиль. А их боковые породы способны вдруг так взыграть, что все живое и неживое рискует рухнуть в черноту стометровой расщелины выработанного пространства.

В таких-то вот лавах Владимир Подкуров намного перевыполнял ежедневно свое плановое задание, а его бригада завоевала право называться бригадой коммунистического труда. И не раз потом подтверждала, что достойна высокого звания.

— Значит, как говорится, всю дорогу без ЧП?..

— Мы предпочитаем обходиться без этих букв,— шутит Подкуров, желая уйти от разговора на невеселую тему.— Происшествия нам ни к чему.

— И все-таки, Владимир Владимирович...

— Что ж, стихия есть стихия, дело рискованное. Но в случае чего, главное — не паниковать...

Как-то пришел он с забойщиками по верхнему штреку к лазу, а путь к уступам перекрыт внезапно обвалившимися глыбами угля и породы. Что тут можно предпринять, чтобы не сорвалась смена? И ведь придумал Владимир: спустился вниз чуть в сторонке — по шлангу воздушной магистрали, осторожно подобрался к завалу, пробил ход к лазу, поставил крепление. Вскоре все забойщики уже были в уступах и грохотали отбойными молотками.

Владимир, естественно, расположился там, где потруднее,— в только что расчищенном месте, в предпоследнем уступе. И уже было собрался «гнать полоску», как вверху загудело-затрещало...

Забойщик, работавший над ним, резко прыгнул с опорной стойки и укрылся в углу уступа, в «кутке». Владимиру же сделать это не удалось: сдвинувшаяся «почва» потащила за собой крепление, а «крыша» огромными глыбами (по-шахтерски — чемоданами) величиной с железнодорожный диван мягко осела на метровой стойке так, что та оказалась на плечах Владимира. Одно неверное движение — и вся эта зависшая громада, набирая инерцию, устремится вниз вместе с удерживающим ее «атлантом». Впрочем, иной «атлант» с перепугу мог начать это катастрофическое движение и сам по себе...

Владимир совладал со страхом, осмотрелся и, потихонечку развернув стойку так, что она защемилась между боковыми породами, наконец-то пробрался в «куток». Теперь можно и отдышаться: спасся! Рядом, на шланге, болтался отбойный молоток...

И тут-то вскоре созрело решение: бить дыру вертикально вверх, это называется «гезенк», а затем под прямым углом от него — «печку»!.. Это чтобы выбраться через лаз на верхний штрек? Конечно, и для этого. Но ведь проще и легче было бы под прикрытием уступов пробираться вниз, на откаточный штрек?! И тут Владимир Подкуров ответил буквально следующее:

— Ребята и так работали на остатках крепежного леса, в общем, «по второму лесу»... Не пробей я хода наверх, ремонтники не смогли бы сразу, без задержки подавать в верхние уступы стойки да затяжки! Чем же тогда крепить очередной добычной смене?! Правда, досталось мне тогда и от начальника участка Шота Левановича Жужниашвили и от своих ребят. Переволновались они крепко. Но ведь окажись кто-либо из них на моем месте, точно так же поступил бы. У нас давно все живут по неписаному закону наибольшей отдачи...

В этом секрет успеха подкуровцев. И еще, конечно, в умении и отваге.

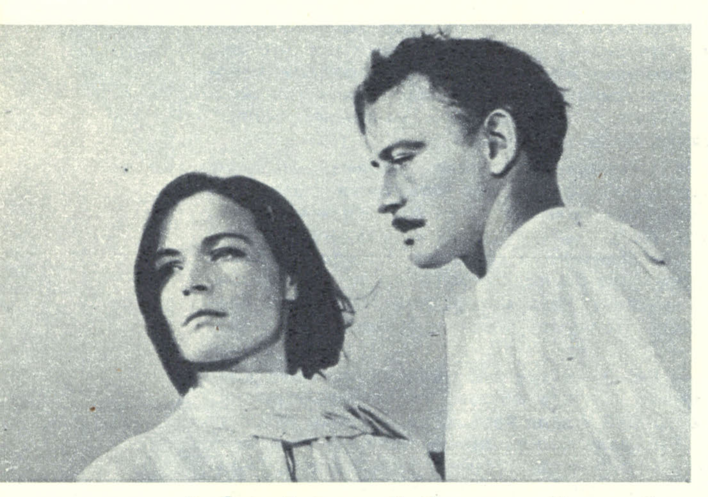
С прошлого лета бригада коммуниста, парторга участка Владимира Подкурова разрабатывает мощный, местами полутораметровый пласт, «толстый». Но неспроста все же бригаду туда направили. «Почва» в лаве, правда, крепкая, песчаник, а вот «крыша»!.. Приходится почти сплошь затягивать ее деревом, иначе нельзя. Так что всю дорогу подкуровцам достается то, что потруднее. Собственно, потому им от всех и почет и уважение: горняки умеют ценить настоящих подземных бойцов.

Подкуровцы готовят свой подарок XXIV съезду КПСС: бригадир — 1 000 тонн сверхпланового угля, а его сподвижники, среди которых первый учитель Владимира опытнейший забойщик Авенир Васильевич Карпов, Виктор Глушко, Николай Лагерь, Александр Мишин и другие славные горняки,— по 450—500 тонн. Равнение на правофлангового!

ОТДАЧИ

Любовь Яровая — Л. Чурсина и Павла Панова — Р. Нифонтова.

«ЛЮБОВЬ ЯРОВАЯ» НА ЭКРАНЕ КИНО



Любовь Яровая — Л. Чурсина и Михаил Яровой — В. Лановой.

Цветной широкоформатный художественный фильм «Любовь Яровая» поставлен по мотивам одноименной пьесы К. Тренева киностудией «Ленфильм».

Режиссер В. Фетин и творческий коллектив «Любови Яровой» встретились с классическим произведением советской драматургии — пьесой, сыгранной не раз многими крупными русскими актерами. Именно поэтому каждый будущий зритель «Любови Яровой», наверное, представляет себе героев пьесы по-своему, и притом в исполнении актеров, особенно полюбившихся ему в этих ролях... Треневского матроса, революционера Швандю все привыкли, например, видеть на сцене весельчаком и удальцом. Кирилл же Лавров, исполняющий эту роль в фильме, создает иной человеческий характер... Швандя Лаврова держится серьезно, ведет себя куда сдержаннее, строже.

Необычно, но очень интересно выглядят в фильме и другие герои: Роман Кошкин в исполнении В. Шукшина, профессор Горностаев, сыгранный А. Папановым, машинистка Панова в исполнении Р. Нифонтовой...

В главных ролях снимались Людмила Чурсина и Василий Лановой. Хрупкая и женственная, Яровая Чурсиной в то же время решительна и непреклонна. Лановой играет Михаила Ярового с большой страстью: он яростен, хитер, порой жесток, поскольку в «белом» движении нет для него выхода — всюду тупик...

Музыка композитора В. Соловьева-Седого, сопровождающая фильм, суровая и тревожная, стремительная и отчаянная, сообщает фильму эпический настрой, усиливая рассказ о людях, свершавших революцию.

Н. АЛЕКСЕЕВА

ВЕРНОСТЬ ТЕМЕ, ТАЛАНТ, МАСТЕРСТВО

Иногда не сразу можно определить пристрастие режиссера к одной теме, но вот у Ричарда Викторова такая тема легко определяется. Это — формирование молодого человека, выявление главной линии характера у подростков, школьников. И это не случайное пристрастие.

Самые большие душевные переживания связаны у Викторова именно со школьными годами. Война застала двенадцатилетнего мальчика в феодосийском пионерском лагере. Больше уж не было безмятежного детства. Пришли серьезные раздумья о жизни, о справедливости, о чести, о настоящей правде. Поэтому, наверное, и к режиссерской своей профессии он отнесся с особой серьезностью. Еще до того, как стать режиссером, Викторов получил филологическое и музыкальное образование, стремился всемерно расширить свой кругозор, чтобы потом убедительно рассказывать людям о том, что хорошо знает, что глубоко продумал и пережил.

Все помнят «Третью ракету» — фильм о войне, об ее нелегких испытаниях, об единственном труднейшем сражении артиллерийского подразделения, живым из которого выходят только двое...

В дальнейших талантливых кинолентах, поставленных Р. Викторовым, героями становятся уже люди послевоенного поколения.

Фильмы «Переходный возраст» и недавно вышедшая на экраны лента «Переступи порог» — этапные для режиссера. В них наиболее ярко проявились его талантливость как художника, высокая профессиональность, его личное отношение к молодежи, интерес к внутреннему миру подростков.

В «Переходном возрасте» режиссер стремится выявить рождение личности, основ характера. Герои — обычные ребята. Вместе с тем видишь, как они инди-

О СУДЬБАХ ОТВАЖНЫХ...

Об этом героическом документальном фильме еще будут писать. Его будут смотреть внуки наши и дети, учась у героев мужеству, прямоте и самоотверженности, поражаясь их убежденности, их вере в будущее...

Я не случайно назвала только что вышедший на экраны фильм Ю. Дунского и В. Фрида «Красная площадь» документальным, хотя картина эта художественная и роли в ней исполняют актеры. По своей точности, подлинности, глубине освоения эпохи фильм этот абсолютно документален. Он захватывает именно неопровержимой достоверностью.

«Красная площадь» — два кинорассказа о рабоче-крестьянской армии: о комиссаре Дмитрии Амелине и о начдиве Кутасове. Трудности тяжелейшего для Отчизны времени закалили, укрепили характеры этих людей — бывшего рабочего и бывшего кадрового офицера. Жизнь и время научили их во имя Родины не щадить ни себя, ни своих сил. Личная убежденность и отвага помогали им не только защищать Советское государство, но и расти вместе с ним.

Главные роли в фильме исполняют С. Любшин и В. Шалевич.

Г. СМЕТАНИНА

Кадр из фильма «Красная площадь».

видуальны: у каждого обязательно есть что-то свое. Вот девочка пишет стихи, она пристально всматривается в окружающее, осмысливая его, дополняя увиденное воображением. Так рождается поэзия. Ее одноклассник — талантливый спортсмен. А вот мальчик, вроде бы и не отличающийся никакой «особинкой». Но нет, у него талант любви к людям, доброе сердце, дар искренности...

— Я особенно люблю снимать фильмы о старшеклассниках,— говорит режиссер.— В этом возрасте, мне кажется, лучше всего виден истинный характер будущего Человека. Юный человек искренне проявляет себя в том, что ему наиболее близко по складу внутреннего «я». Это ведь очень важно — нащупать как можно раньше «красную нить», основу человеческой натуры, чтобы не запутать ее, а, напротив, укрепить для дальнейшей жизни.

Творческие успехи Ричарда Викторова радуют почитателей его таланта. Зрители с нетерпением ждут новых лент режиссера, так хорошо зарекомендовавшего себя в искусстве кино.

Н. ЗЫБИНА

Кадр из фильма «Переступи порог».

КОММУНИСТЫ КУРЧАТОВСКОГО

В. М. БАЛЕБАНОВ,
секретарь парткома Института атомной энергии имени И. В. Курчатова

Название нашего института вызывает в памяти цепь ярких ассоциаций. Здесь был построен первый на нашем континенте атомный реактор, здесь рожден замысел первой в мире атомной электростанции. Здесь родились термоядерные установки «Огра» и «Токамак». Наш институт ведет работу на широком научном фронте — от фундаментальных исследований ядерной физики до строительства атомных электростанций в СССР и за рубежами нашей страны. Основателем и первым руководителем института был академик И. В. Курчатов.

1948 год. Империалисты развернули военный шантаж против СССР, и партия поручила советским ученым в кратчайший срок решить атомную проблему. Целые дни проводит академик Курчатов в ставших теперь историческими «монтажных мастерских». Так условно называлось здание в нашем институте, где работал первый в стране ядерный реактор. В это сложное время, в августе 1948 года, И. В. Курчатов вступает в ряды Коммунистической партии, понимая, что только партия может объединить рабочих, инженеров, ученых на решение сложнейших задач.

Товарищи по науке называли его Генералом. Сам же он считал себя солдатом партии. Незадолго до смерти И. В. Курчатов поставил грандиозную задачу — создание управляемой термоядерной реакции. Он освободил И. Н. Головина от административной работы и послал его строить «Огру», торопил создание «Токамака». Вместе с тем выдающийся ученый подчеркивал, что проблему эту штурмом не взять, нужна длительная осада и вести ее должен спаянный, идейно зрелый коллектив.

Во времена И. В. Курчатова уже была схема «магнитной ловушки», в которой ученые хотели получить устойчивую и плотную плазму. Но каким образом кусок «солнечного вещества» удержать в клетке из обычных материалов? Малейший контакт со стенками — и плазма, потеряв устойчивость, охлаждается и гибнет.

Многочисленные опыты, как наши, так и зарубежные, заканчивались неудачей. Теория говорила иное. Расчеты Б. Б. Кадомцева показали: плазма может быть достаточно устойчивой. А если неверен путь, по которому мы идем к решению проблемы?

Председатель комиссии парткома института по термоядерной проблеме М. С. Иоффе видит залог успеха в соревновании идей, столкновении различных точек зрения. Сам ученый предложил необычное по своей красоте решение, чтобы преодолеть неустойчивость плазмы.

В 1970 году М. С. Иоффе, Б. Б. Кадомцев, Р. И. Соболев, Е. Е. Юшманов, Ю. Т. Байбородов и В. Г. Тельковский за свой метод стабилизации высокотемпературной плазмы были удостоены Государственной премии СССР.

Мне хочется рассказать еще об одном члене нашего партийного комитета — профессоре М. К. Романовском. Четыре года он сражался на фронте. Затем, Курчатовым «мобилизованный и призванный», вернулся к науке, стал специалистом по нейтронной физике. Кажется, пора «остепениться», читать лекции, радоваться успехам учеников. Но И. В. Курчатов предложил ему включиться в новую проблему — создание управляемой термоядерной реакции. Не поздно ли переучиваться, все начинать сначала? Но М. К. Романовский решил иначе: трудно не означает поздно; исследователь, боящийся грандиозных задач, умирает для науки.

М. К. Романовский прошел замечательную партийную школу: был секретарем институтского парткома. У него отеческое отношение к молодежи: растит ученых, но не опекает. Если видит, человек стал самостоятельным исследователем, первым найдет место в институте, где тот лучше сможет себя проявить. Для М. К. Романовского научный подход к делу и партийное отношение к людям неотделимы.

Бывало, во времена И. В. Курчатова некоторые сотрудники жаловались, что их, мол, отвлекают на партийную работу, в то время как они заняты важными научными проблемами. «Но разве можно проводить грань между профессиональной и общественной деятельностью ученых? — спрашивал И. В. Курчатов.— Нет, такое положение нужно решительно изменить!»

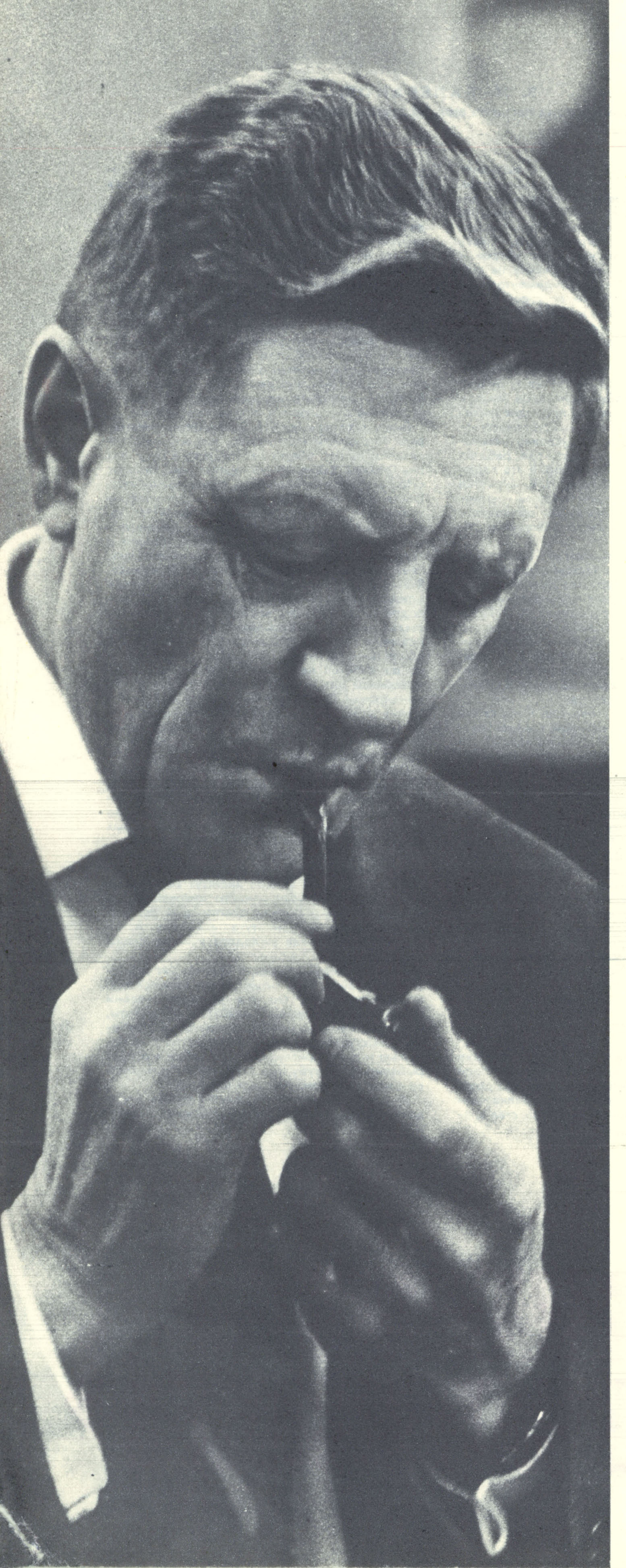
Я приведу один пример, который говорит о том, что положение действительно изменилось. Речь идет о нашем товарище А. Г. Зеленкове. Я вспоминаю, как несколько лет назад после длительной командировки он, тогда еще молодой исследователь, вернулся в институт. Он ставил интересные эксперименты, участвовал в различных комиссиях, энергично включился в общественную жизнь института. Одновременно он работал над докторской диссертацией, материалы для которой собирал во время командировки. Ему нужен был отпуск для завершения работ, но товарищи решили иначе: для института важнее, чтобы он занялся сейчас партийной работой. И коммунисты избирают его секретарем парткома.

Общественное и личное здесь как будто вступают в противоречия. Но коммунист А. Г. Зеленков выше личных поставил интересы института, а товарищи по партии, соратники по науке, создали ему такие условия, в которых он смог завершить и свою научную работу.

Молодой исследователь стал зрелым ученым, организатором науки. Находясь на партийной работе, он увидел институт весь, целиком, с его научными и чисто человеческими проблемами. Вот почему опытнейший руководитель, директор института академик А. П. Александров сделал молодого ученого своим заместителем.

Я иногда задумываюсь, в чем секрет Анатолия Петровича. Быть может, в его невероятной трудоспособности? Он все успевает: часами принимает сотрудников, разбирая их работы, посещает научные центры в стране и за рубежом, выступает в печати, встречается с молодежью и даже приглашает ее с собой в отпуск рыбачить на Ахтубу, где вокруг него собирается целая «александровская» колония.

А может, секрет А. П. Александрова в его широком научном подходе? Анатолий Петро-



вич не только глубоко разбирается в десятках проблем, но порой видит суть каждой из них намного яснее тех, кто десятилетиями занимается той или иной узкой областью.

И все-таки о нем не скажешь, что он только ученый. Член ЦК КПСС, он так же, как некогда И. В. Курчатов, называет себя солдатом партии. Нужно — он придет на обсуждение в партком с такой же готовностью, с какой поспешил бы на важный научный эксперимент. Коммунист А. П. Александров воспитывает всех нас примером своей жизни.

Лет пятнадцать назад пришел в наш институт выпускник МЭИ В. А. Сидоренко. Время было «юбилейное» — только что пустили в ход первую в мире советскую атомную электростанцию. Но одно дело — создать уникальную установку, совсем другое — построить промышленную серию атомных реакторов, то есть, по сути, дать жизнь новой отрасли — атомной энергетике. В это время академик А. П. Александров поручает молодому инженеру В. А. Сидоренко ответственное дело — быть представителем института на стройках и заводах.

В 1963 году, незадолго до начала монтажа оборудования, В. А. Сидоренко приехал на строительство Ново-Воронежской АЭС. Вскоре оказалось, что реактор он знает лучше любого эксплуатационника. Год спустя он руководил пуском станции и ее включением в энергосеть. В. А. Сидоренко защитил по этой работе кандидатскую диссертацию и был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР.

Вот рассказал я о своем товарище и подумал: а ведь не умещается он в эту чисто производственную схему. Он по-настоящему красив, когда защищает новый проект, или остроумными замечаниями оживляет снятый им фильм, или выступает на парткоме, как-то особенно изящно и четко формулируя свои мысли. Говорят, что человек — это стиль. Так вот здесь перед нами красивый стиль, которому хочется учиться.

Был у нас секретарем партбюро Ю. П. Полунин, физик-экспериментатор. Он, разумеется, лучше, чем кто-нибудь другой, знал, что экспериментальную работу тормозит недостаток в институте новейшей вычислительной техники.

Мы с Ю. П. Полуниным не раз беседовали в парткоме. Двух мнений не было: нужно создать в институте вычислительный центр. Но кого поставить во главе ВЦ? Здесь нужен опытный, энергичный организатор. И вот партком рекомендовал дирекции назначить на эту должность коммуниста Ю. П. Полунина. И мы не ошиблись в выборе. Он быстро освоил вычислительную технику, собрал вокруг себя настоящих энтузиастов, которые решили пустить сложнейшую вычислительную машину «БЭСМ-6» к XXIV съезду КПСС. Недавно на парткоме мы обсуждали, как идут у них дела. Думаю, что это свое обязательство они успешно выполнят.

В спешке ежедневных дел трудно найти время, чтобы поговорить о философских аспектах физических проблем, над которыми работают ученые. А это крайне необходимо. В нашем институте это можно сделать на семинарах партийной учебы.

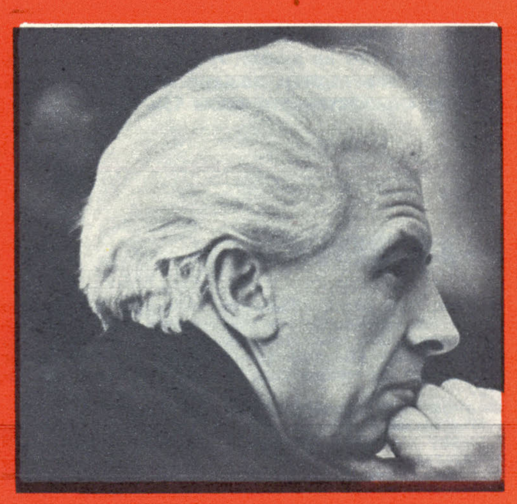
Молодой член-корреспондент АН СССР Ю. М. Каган вот уже десять лет ведет семинар по проблемам философии. Ему, физику-теоретику, легче популяризировать проблемы строения материи, раскрытые в труде В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Его семинары не монолог, где один вещает с кафедры, а другие ему внимают. Ученые собираются на них, чтобы поговорить, поспорить, ибо в спорах не только рождается истина, в спорах человек учится мыслить.

...Наступает вечер. Пустеет партком. Прошел еще один трудовой день. Я вспоминаю, как торопил время, как приближал будущее академик коммунист И. В. Курчатов. И по сей день мы ощущаем его мощный зачин. Игорь Васильевич рассказывал об атомной проблеме с трибун партийных съездов. И сейчас, оглядывая путь, пройденный институтом, каждый из нас готов повторить слова И. В. Курчатова: «Я счастлив, что родился в России и посвятил свою жизнь атомной науке великой Страны Советов. Я глубоко верю и твердо знаю, что наш народ, наше правительство только благу человечества отдадут достижения этой науки».

Профессор М. К. Романовский,
член парткома института.

— Как дела у коммунистов Вычислительного центра! Об этом идет разговор на партийном комитете Института атомной энергии имени И. В. Курчатова.

◀ Термоядерная установка «Токамак».



Член парткома, кандидат физико - математических наук П. А. Платонов.

Член парткома, радиомонтажница А. А. Савостьянова.

Лауреаты Государственной премии СССР 1970 года М. С. Иоффе, Ю. Т. Байбородов, Р. И. Соболев и Е. Е. Юшманов.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Необычные истории вокруг несчастливого числа записали и проиллюстрировали фотографиями А. Бочинин, Н. Козловский, Ю. Михайлов, Ю. Лушин, И. Месхи, В. Сальме, Б. Смирнов, Б. Сопельняк, А. Стась, Г. Хамашуридзе, Н. Храброва.

И чего это люди на него взъелись! Число как число, ничем не хуже всякого другого. Разве только ни на что путное не делится — лишь на себя да на единицу. Так ведь и другие «неделящиеся» есть!

Вот мы и решили выяснить, чем оно так насолило и почему его не любят. И задумали поведать читателям в новогоднем номере несколько историй вокруг «несчастливого числа 13».

13–13 ММТ

Говорят, что если объявить конкурс на самого веселого москвича, то им наверняка окажется водитель такси. Но мы, признаться, с опаской подходили к белой «Волге» 13—13 ММТ: «А что, если шофер будет из числа тех, кто никогда не улыбается?»

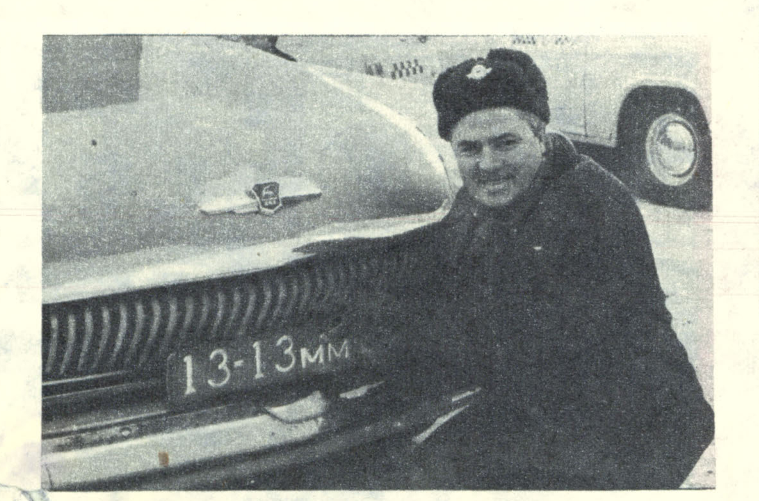
...Знакомимся с водителем. А он смеется.

— Что смешного?

— Везет же мне! Который раз с журналистами встречаюсь!

Оказалось, что Петр Петрович Мацукевич — один из передовых водителей 1-го таксомоторного парка, обладатель грамоты лучшего водителя Москвы. О нем не раз писали газеты, он выступал в «Голубом огоньке» на телевидении. Когда в Москву прибыла первая экспериментальная машина-такси — «Волга» М-24, то среди трех ее водителей был и Мацукевич. У себя в таксомоторном парке Петр Петрович — человек известный и уважаемый: свою пятилетку он выполнил еще в июле прошлого года и был за это премирован поездкой за границу. Вот и говори после этого, что цифра «13», да еще в дубле, несчастливая!

— Получил я эту машину три года назад,— рассказывает шофер.— Дает мне механик номера и говорит: «Бери чертову дюжину!» Смотрю, две цифры «13» на номере. Екнуло сердце: может, отказаться? Подумал и махнул рукой: а, чепуха! Выезжаю в первый рейс. У Дворца бракосочетаний на Ленинском проспекте машину останавливает парень. «Подождите минутку, сейчас выйдем!» — и в подъезд забежал. Тут ко мне стучится какая-то женщина: «Молодой человек, поезжайте, пожалуйста, прошу вас!» «А в чем дело?» — спрашиваю. «У меня дочь только что замуж вышла, молодые хотят на вашей машине ехать, а номер-то у вас нехороший...» Я, конечно, уехал. Но такие случаи — редкость, пассажиры в большинстве своем только смеются. А вот иностранцы от меня шарахаются. Как-то у мотеля на Минском шоссе садится в машину итальянец — они тогда «фиаты» на наших дорогах испытывали. Вдруг бежит другой итальянец, руками размахивает, кричит что-то. Мой пассажир услышал его, выскочил из машины и сует мне деньги. «Что случилось?» — спрашиваю. Он рукой на номер показал — и ходу! А у нас, спасибо, суеверных осталось мало. За все эти годы ни я, ни Юра Бутусов, мой сменщик, ни разу без плана в парк не возвращались...



ДЕЛО НЕ В МАЙКЕ

Говорит Игорь Ромишевский, заслуженный мастер спорта, трехкратный чемпион мира по хоккею с шайбой, аспирант МФТИ.

— Я пришел в команду ЦСКА из хоккея с мячом и целый год был запасным. Причем запасным, не имеющим никакого номера. Жизнь была — не позавидуешь! Вы только представьте: считаюсь игроком ведущей команды, целый год сижу на скамейке запасных и ни разу не вышел на площадку! А рядом сидел такой же парень, как и я, но с номером. И хотя на спине его майки было «13», завидовал я ему отчаянно: ведь его время от времени выпускали на поле. За год обладатель «несчастливого» номера Виктор Кузькин вошел в основной состав. Правда, он тут же снял старую майку и надел другую — с цифрой «4». Что же касается меня, то я не сокрушался по поводу несчастливого числа и однажды в конце третьего периода появился на площадке под тринадцатым номером.

Через год я тоже вошел в основной состав, но со своей майкой не расстался. И она не подвела: в 1967 году я стал членом сборной команды страны. Ну, думаю, все! «Несчастливый» номер сделал все, что мог. Не тут-то было! В этом же сезоне я оказался одним из самых результативных защитников, забросив... тринадцать шайб.

С тех пор я каждый год выхожу на поле в составе сборной страны, правда, теперь под номером шесть. Но это уже дань традиции: в протоколе первыми всегда стоят имена защитников. А вот наши нападающие доказали, что вратарям соперников чаще всего приходится доставать шайбы, заброшенные игроками с цифрой «13» на спине. Начало этой традиции положил Виктор Якушев, а теперь несчастье вратарям приносит Борис Михайлов — хоккеист № 13, забросивший много решающих, счастливых шайб.

НА ТРИНАДЦАТОМ КИЛОМЕТРЕ

Сосны и березы утонули по колени в снегу, выбраться не могут из сугробов. Между ними дорога. Сугробы на дорогу выходить боятся: машин много. Опять же километр-то какой — от Новосибирска тринадцатый.

Прислонился я спиной к сосне, задумался, глаза прикрыл. Тишина. Слышно, как снежинки падают. Открыл глаза — что за наваждение? Людно между сосен бегут и, между прочим, бегут голые... то есть почти голые, в трусиках по снежному лесу. Привидится же такое! Закрыл глаза — призраки исчезли, открыл — бегут. Решил догнать, поинтересоваться: куда путь держите, сердечные. Пустился за ними — догнать не могу. Бегут! Обидно стало. Уйдут, думаю, и не узнает никто, кто такие. Сбросил полушубок, полегче вроде. Догоняю наконец последнего, а он во мне участие принимает:

— Тепло, наверное? — спрашивает.— Ты бы снял свитер.

Я засмущался:

— Ничего, я к теплу привыкший, а вы далеко?

— Нет,— говорит,— уже на место прибыли.

Тут мы выбегаем на берег Обского моря, и голые люди бросаются один за другим в прорубь, только брызги ледяные да волны пошли. По инерции и я чуть было в воду не сиганул, но вовремя вспомнил: свитер-то не снял.

— Давай к нам! — кричат эти голые люди.

— Хорошо бы,— отвечаю,— только мне полушубка жалко. Как он там один в лесу?

И побежал обратно. А позже узнал: люди эти «моржами» называются.

НАКАНУНЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО

— Вы, конечно, знаете, что за границей, особенно в Америке, цифру «13» очень не любят,— начал свой рассказ полковник запаса Леонид Григорьевич Минов, один из первых советских парашютистов.— Там на тринадцатое число обычно не назначают важных дел, в спортивных командах нет игроков номер «13», а на домах вслед за номером «12» часто можно увидеть номер «12-а». Мне однажды пришлось поколебать недоверие американцев к «несчастливой» цифре. Вот как это было.

В 1929 году меня, военного летчика, командировали в США. Я должен был изучить не только производство парашютов, но и научиться прыгать сам. Наконец настало время, когда инструктор фирмы «Ирвин» мистер Форд заявил, что он допускает меня к прыжку. Прыжок должен был состояться 10 июня, но в тот день пошел дождь. Казалось, он будет лить бесконечно. 12-го Форд сообщил мне: «Назавтра синоптики твердо обещают хорошую погоду, хотя это и бесполезно. Будете прыгать послезавтра». «Не понимаю»,— сказал я. «Завтра тринадцатое...» — заметил мистер Форд.

Форд был упрям и не хотел слушать никаких возражений, а я не мог откладывать прыжок: меня срочно вызывали в Нью-Йорк. В это время в комнату вошел вице-президент фирмы Маклоуд и быстро разрешил наш спор.

— Будем считать, что прыжок состоится не тринадцатого, а накануне четырнадцатого!

— Или завтра после двенадцатого,— пошутил я.

Маклоуд не скрывал своей радости. Он тут же заговорил о грандиозной рекламе для своей фирмы, которой позавидовал бы сам Генри Форд: «Русский летчик бросает вызов смерти, совершая свой первый прыжок 13 числа, потому что он прыгает с парашютом фирмы «Ирвин»!»

Прыжок состоялся. Летчик Лео Чейз на самолете «Кертис» поднял меня в воздух, и я впервые испытал ни с чем не сравнимое ощущение свободного скольжения в воздухе. Я даже рискнул управлять парашютом, чтобы опуститься как можно ближе к толпе зрителей. Первым подбежал ко мне фоторепортер... Вечерние газеты в тот же вечер подробно рассказали о «сенсационном прыжке», и фирма получила хорошую рекламу. А наши специалисты через несколько месяцев подписали с фирмой «Ирвин» договор о поставке в СССР крупной партии парашютов. И, представьте, подписание документов состоялось... 13 января! Но недоразумений на этот раз не было. Представитель фирмы сказал, что после моего прыжка они считают 13 число счастливым.

ШКОЛА НА ПРОСПЕКТЕ СОФИИ

В кармане у меня билет на поезд № 13, вагон 13-й, место 13-е, и все мне сочувствуют: «Погоришь, как пить дать, никакого репортажа не получится!»

...Поезд Москва — София отправляется в полночь. Какие уж тут репортажи. А утром я проспал. Ну, думаю, вроде начинает сбываться — билет-то у меня до Киева! Остается час с небольшим. Спрашиваю соседа:

— Далеко едете?

— В Софию.

Без труда угадав в нем болгарина, начинаю выспрашивать, как он относится к числу тринадцать.

— У меня с ним связано одно только хорошее. В 1957 году, 13 лет назад, я впервые попал в Советский Союз. Тогда болгарские комсомольцы приехали к вам перенимать опыт социалистического строительства. Одни трудились на шахтах, другие — на стройках и заводах, третьи — в сельском хозяйстве.

Наша группа работала в хлопководческом совхозе, неподалеку от Ташкента, и вернулась на родину 13 декабря 1959 года. А сейчас я еду... в отпуск.

И тут Димитр Тянчев Гюдженов, так звали моего попутчика, рассказал, что живет он теперь в Узбекистане, в городе Бекабаде, потому что еще в пятьдесят восьмом году женился там на русской девушке Рае. У них два сына, старшего зовут по-болгарски — Тянчо, младшего по-русски — Володей. Говорят в семье на четырех языках — русском, болгарском, украинском и узбекском, а Тянчо еще учит и английский.

Рая — медсестра в детской больнице, а сам Димитр — механик автобусного парка. В Болгарии, где они прожили несколько лет, в его родном городе Марица, теперь растут гранатовые деревья, выросшие из семян, которые они привезли из Узбекистана. И еще Димитр потряс своих земляков тридцатипятикилограммовым арбузом, выращенным в Голодной степи.

— Не скучаете по Болгарии?

— Да я с ней часто встречаюсь: в Ташкенте, на проспекте Софии, мои сонародники сейчас строят школу. Эта школа — дар моего родного края, Хасковского округа, городу Ташкенту. Первый камень в ее фундамент заложил в январе 1969 года Первый секретарь ЦК БКП Тодор Живков. Школе присвоено имя Георгия Димитрова, и она скоро распахнет двери перед юными ташкентцами.

НАЧАЛОСЬ С ТЕЛЕФОНА

— Тринадцатый слушает, у телефона Рихтер...

— Вы не родственница Святослава Рихтера?

— Нет, я родственница не пианиста, а географов. Ими были мой дед и дядя, сама же я этнограф. Недавно вернулась из Ленинграда с симпозиума, на котором отмечалось 125-летие Географического общества СССР. Мне там пришлось выступать.

— И выступление было удачным?

— Как будто да. Только этому предшествовало много приятных и неприятных приключений. А все началось с телефона с добавочным номером «13», который установлен у нас в секторе этнографии Института истории Эстонской Академии наук. Именно по нему была дана команда послать меня на симпозиум с докладом о связях Русского географического общества и Эстонии. И начались мои волнения. Часть необходимых материалов нашла здесь, остальные — в Ленинграде. Были найдены документы, свидетельствующие о том, что Русское географическое общество постоянно поддерживало эстонских исследователей как в смысле научном, так и материально. Но огромное количество усвоенной мной информации требовалось уместить на десяти страничках доклада, это сущая мука! Для выступления мне был нужен новый солидный черный костюм. В магазинах такого не оказалось, но продавщицы Таллинского дома торговли преисполнились сочувствием ко мне, как докладчику, и предложили отличный синий костюм. Однако даже несмотря на это, я перед выступлением зверски волновалась. Но все кончилось хорошо — ведь мне удалось отыскать далеко не всем известные материалы о связях Русского географического общества с зарождавшейся эстонской наукой и посчастливилось обнаружить истоки научных проблем, которые и до сих пор остаются актуальными для Эстонской академии.

А теперь вспомните, что все началось с телефонного звонка по добавочному номеру «13».

ПИСЬМО ИЗ ТБИЛИСИ

Дорогой друг! Если ты давно не был в Тбилиси, скажу: напрасно. Об этом так и говорится в старой песне, которую распевали у нас раньше городские весельчаки-кинто:

Кто в Тбилиси не был,
Серных бань не знал,
Тот, скажу, друзья, вам,
Много потерял.

Наши серные бани ты, конечно, знаешь. Кто их не знает! Пушкин их знал! Как приехал в Тбилиси, на другой день пришел в баню.

В наше время геологи стали прямо в городе искать серную воду. На одной улице поставили буровую вышку, на другой пробурили полтора километра, и вдруг фонтан горячей воды забил. Это было тринадцать лет назад. Посмотрели воду — очень похожа на ту, что в старых банях. И тоже пахнет серой, только еще примешалось железо. Сколько веков мы имели серные бани, и все в одном месте, где серная теплая вода сама выходит наружу. А в этом районе и не мечтали о серной бане. И вот она появилась на радость тбилисцам.

Ну что тебе сказать, дорогой? Конечно, многие в квартирах имеют свои ванные. Многие, но пока не все. Да и разве сравнишь: мыться пресной водой или нашей, которая так твою кожу очищает, что она становится, как шелковый платочек. И вообще после нашей бани, особенно после бассейна, хочется петь и танцевать. В нашей бане директор — бывший фронтовик, танкист Михаил Амиридзе — старается, чтобы люди получили максимум удовольствия. Ремонт сделал в этом году, хлопочет установить трубы из стекла: ведь наша вода очень быстро съедает металл. Потому ее называют агрессивной. Но с таким «агрессором» можно жить. Как думаешь, дорогой? Есть только одно обстоятельство, о котором я скромно умалчиваю,— наша баня имеет номер тринадцать. Но ничего. На это у нас никто не обращает внимания. Подумаешь, несчастливое число! Две тысячи человек моются каждый день. И всего за 17 копеек по прейскуранту оставляют здесь свое плохое настроение.

Приезжай, дорогой. Гарантирую: будешь веселый, будешь счастливый! Твой друг Серно Банидзе.

ЩУКА И МОПЕД

Рыбаки — народ суеверный. Так мне сказал приятель, которого я увидел в понедельник в гастрономе «Славутич». Он задумчиво стоял перед недавно опустевшим аквариумом со спиннингом в руках.

Надо встретиться с дядей Леней,— подумал я,— рыбак он заядлый, а число «13» со своим смыслом, и заводить о нем разговор абы с кем вовсе не интересно. Правда, дядя Леня — Леонид Ефимович Козубский — бывший фронтовик, недавно еще и «Знак Почета» получил, он лучший работник на предприятии, и если ему заикнешься насчет суеверия, то...

— А вот и он! —прервал мои размышления Александр Савельевич Свердлов.

Машин было много. Мигая фарами в тумане, они возвращались домой. Целый день развозили по магазинам, столовым, детским садикам и ресторанам города окорока и колбасы, котлеты и сосиски и всякую прочую снедь, что вырабатывается на Киевском мясокомбинате.

— Леня! — строго сказал Свердлов, посвященный в мои замыслы.— Ты как относишься к роковому числу «тринадцать»?

— Очень даже положительно. Только к чему этот подозрительный вопрос, когда на носу тринадцатая зарплата? Что-нибудь неладно, Саша?

Козубский — экспедитор, Свердлов — директор предприятия, а на «ты» они потому, что давно работают вместе.

Тринадцатая зарплата! А ведь верно. Вот и роковое число! А я-то намеревался затевать балачку на тему «везет — не везет». Мне захотелось спросить Леонида Ефимовича о простом, житейском, о том, куда и на что была потрачена его тринадцатая получка. Но прямо спросить тоже вроде неудобно, и я начал исподволь, о семье, о жене, о всяких делах домашних...

Только дядя Леня быстро раскусил мою хитрость:

— Ты меня на мормышку не лови, так и говори, куда, мол, деньги девал. А остались они в спортивном магазине. Мне давно приглянулся мопед «Рига-3». Сто девяносто рублей. Сорок рублей пришлось, правда, добавить, зато теперь я на собственных колесах. В выходной палатку, снасти прихватываю—и на Десну с утра пораньше. На Десне-то клёв сам знаешь какой. Щука идет, лещ, подъязь... Вот и последний раз было дело, скажу я вам! Леска, как струна, натянулась, гляжу я — мама родная! — на крючке-то, на крючке...

Вечером мы побывали у дяди Лени дома и попали на своеобразный семейный концерт. Пела вся семья. Так увлеченно, весело, задорно, что было ясно: над этими людьми никакие суеверия не властны...

ПОТРЯСАЮЩИЙ АТТРАКЦИОН

Мы спросили народного артиста РСФСР Юрия Владимировича Дурова, не вызывает ли у него отрицательных эмоций диаметр цирковой арены, который во всем мире одинаков — 13 метров.

— Да это же великолепное число! На этой арене прошла вся моя жизнь и не только моя — со мной вместе выступает теперь мой сын Юра, это уж четвертое цирковое поколение Дуровых. А дочь... да она ведь и родилась-то 13 апреля! Окончила Литературный институт, и первая ее книга была о цирке — 13 печатных листов! Она так влюблена в это число, что, несмотря на свои писательские успехи, осталась верна тринадцатиметровой арене. Сейчас Наташа на гастролях в Румынии...

За сорок пять лет моей работы у меня было 13 морских львов, последний, ныне веселящий публику,— самый талантливый.

Скажу по секрету, что готовлю потрясающий аттракцион — тринадцать дрессированных гигантских черепах. Номер заключается в следующем: черепахи делают круг по арене, потом дружно становятся на задние лапы. Удивительно впечатляющее зрелище! Есть, правда, одна загвоздка — номер идет тринадцать часов...

А где я возьму такую терпеливую публику?

У Тани Лебедевой завтра свадьба.

Девчата из комсомольской агитбригады «Пошехонская новь».

А. БОЧИНИН,
Ю. КРИВОНОСОВ,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

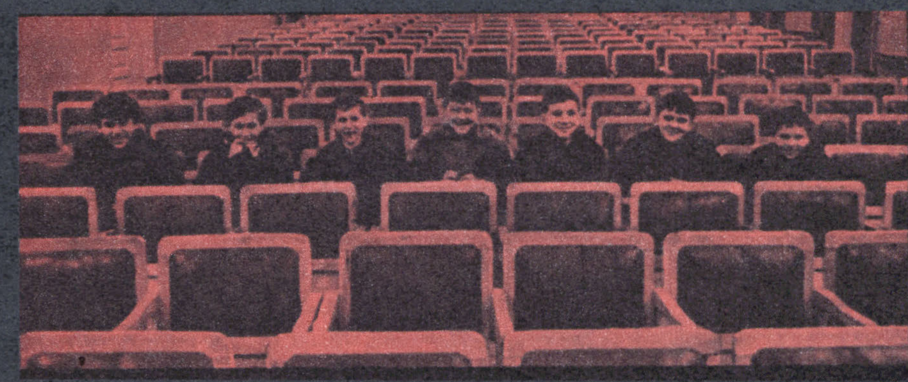
ЗИМНИЕ ВЕ

Вечный сюжет.

ЧЕРА

«Пошехонский токмо уезд, а города не имеется»,— писано было в бумагах петровских времен, и только в 1719 году по табели показан тут провинциальный городок. Девятнадцатый же век стараниями Салтыкова-Щедрина принес местным жителям известность, можно сказать, мировую. Даже в самом имени города— Пошехонье,— казалось, кроется нечто таинственно-забавное. Однако взято оно от реки — прежде Шексна звалась Шехона, и местность, что шла по ней, именовалась Пошехоньем. А так как великий писатель сде-

У Виктора Панова, студента четвертого курса сельскохозяйственного техникума, вечера обычно проходят так.



За полчаса до концерта.

Веселое сражение.

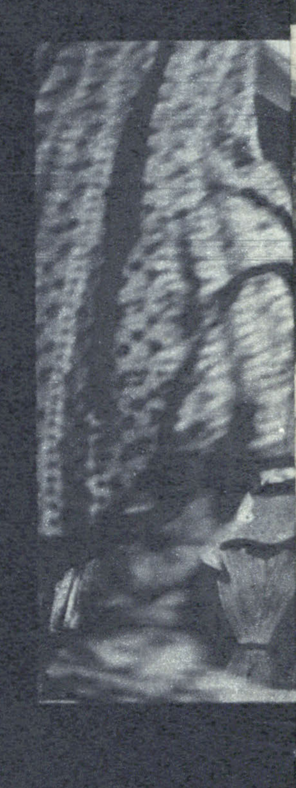
За десять лет Народный театр поставил 34 спектакля, объехал (и не раз) 47 населенных пунктов, обслужив при этом 100 тысяч зрителей.
Репетируется тридцать пятый спектакль.

лал это имя нарицательным, то пошли ходить в народе про пошехонцев разные забавные истории, не очень-то, впрочем, лестные.

Теперь и сами пошехонцы поведают вам их с веселым лукавством, потому как стыдиться им абсолютно нечего: байки байками, а люди здесь самые что ни на есть обычные — и деловые, и толковые, и ни внешним видом, ни духовной жизнью своей не уступят всяким иным.

Мы приехали сюда с намерением показать, как проводят пошехонцы долгие зимние вечера. Выбор наш пал на этот город потому, что затерян он в лесах и снегах, а, кроме того, нас подзуживало обыкновенное любопытство: каков-то он теперь и чем живет! Первым делом выяснилось, что затерянность — понятие относительное. Хоть и нет сюда железной дороги, зато трижды в день прилетает самолет, и попасть из Ярославля в Пошехонье-Володарск (так он теперь называется) можно за какие-то сорок минут. Летом же по Рыбинскому морю вас примчит сюда за три часа «Метеор». Словом, вполне обжитое место. Правда, в самом городе общественного транспорта нет: «Мы и пешком неплохо ходим, а в любой конец двадцать минут!» Зато в большом почете здесь велосипед — даже зимой в ходу: снег не помеха.

Попытались мы разыскать что-нибудь из пошехонской старины, да разве просто найти такое в районе, где все до одного села электрифицированы, телевизор вытеснил посиделки, фабрики и заводы — кустарные промыслы, а театр и клубы — церковь и всяческие связанные с нею обряды. От прошлых чудесных промыслов, которыми так славился этот край, к сожалению, осталась разве что мастерская сусального золота, да и то потому, что тонкое это искусство никакая машина заменить не в состоянии, и секрет здесь в чутком умении живой человеческой руки ударить так, как ни один механический молот не сможет. Желая помочь нашим поискам, кто-то посоветовал: сходите на чаепитие к старушкам, может, что и откопаете от старины. И мы пошли. Попили с бабушками чайку, а потом они запели... «Дан приказ: ему — на запад», «Ты, моряк, красивый сам собою», «Наш паровоз, вперед лети...». Оказалось, что бабушки-то почти все комсомолки двадцатых годов! Вот как далеко ушла в прошлое пошехонская старина, и на ее месте ныне живет двадцатый век, со всеми его волнениями, новостями и свершениями. Сегодняшний пошехонец — современник этого бурного, кипучего века, он встречает 1971 год мечтами и планами, и планы эти — частица тех больших задач, которые ставит перед собой вся наша страна, вступая в новое пятилетие.



В книжном магазине.

Внесезонный транспорт.

«Баркарола» Шуберта в исполнении учеников музыкальной школы.

Шуточный танец «Ленок».

Снегурочка.

ДЕВОЧКА ИЗ БРАТИСЛАВЫ

Живет в Братиславе девочка. Леся Ярмак.
Родной язык у нее украинский, но она знает и словацкий, и чешский, и русский.
Недавно ей исполнилось десять лет. И к этой юбилейной дате в 1970 году словацкое издательство в Братиславе выпустило книжку стихов, сказок и рассказов, написанных ею на украинском языке. В книжке — больше ста страниц.
Леся Ярмак пишет по-украински, но есть у нее стихи и на словацком языке.
Мы решили познакомить наших читателей с творчеством этой удивительной девочки. Сочинять сказки и петь свои песенки она начала с трех лет. Еще не исполнилось ей и шести, когда написала она такое стихотворение:

Волнуется море Азовское,
Плывет по морю кораблик,
Из моря встает остров,
На острове хатёнка,
В хатёнке скачет зайчик,
Ищет, как выйти оттуда.

Стихов и песенок у нее много. Жаль только, что в переводе теряются непосредственность и певучая ребяческая прелесть стиха.
Вот одна из сказок шестилетней Леси.

ЗАЙЧИК-РЕБЕНОК

Бежит зайчик полем, ищет, чего бы поесть. Охотники бегут по следу и кричат:

— Зайчик, зайчик, иди-ка сюда, к нам!

Зайчик не слушает их. Он знает, что идти к охотникам нельзя. Они его убьют.

И лисичка тоже думает, как бы поймать зайчика. Она медовым голосом пищит:

— Зайчик, зайчик, иди-ка сюда, ко мне. Я тебя накормлю!

Зайчик не хочет. Бежит все быстрее и быстрее. Потом спрятался за кустом и ждет, пока лисичка мимо пробежит.

А тут подоспели охотники. Они увидели лисичку, выстрелили, и лисичка упала. Взяли они ее с собой в село.

А зайчик побежал домой.

Надо сказать вам, что зайчик — он был еще ребенок.

* * *

А потом, набравшись опыта, Леся стала рассказы писать. Она написала много рассказов, и все интересные. Когда Лесе было уже восемь лет, шел девятый, она сочинила рассказ под названием

БЕЛОЧКА

I

Как-то раз я, Славко и бабуся пошли в лес. Бабуся на минутку остановилась, а Славко крикнул:

— Белка!

— Ловите ее, ловите!— сказала бабуся, и мы побежали за белкой.

Белка была еще маленькая, с мою ладошку, и не могла влезть на дерево. Мы ее поймали, завернули в платок и стали думать: идти дальше в лес или сначала белочку отнести? Решили сперва отнести.

Дома посадили белку в корзинку, накрыли дощечкой, а бабуся еще сверху положила молоток и клещи. Чтобы не убежала.

Мы опять пошли в лес. Дорогой я сказала брату:

— Мы научим ее сидеть, как сидит человек. Она будет сидеть на моем игрушечном стуле, а хвост положит себе на спинку. Она будет есть из игрушечных тарелочек все то, что едят люди. Она будет танцевать, играть, бегать, щекотать меня.

А вышло совсем не так.

Мы вернулись из лесу. Бабуся думала, что белочка в своей корзинке сейчас прыгает. Она чуть-чуть приоткрыла крышку, чтобы белочка не выскочила, и увидела, что она лежит животиком на дне. Белочка была очень хорошенькая: рыженькая, животик беленький, хвостик такой, как тряпочка, круглые черные глазенки. Носик висел вниз грустно, а усики торчали во все стороны.

Бабуся вынула белочку и посадила себе на руку. Она сказала:

— Наверно, голодная. Надо дать ей напиться.

И мне захотелось подержать ее и погладить. Бабуся сказала:

— Возьми вот так, прижми немножко к себе, она любит тепло.

Я прижала. Белочке это так понравилось, что она, свернувшись клубочком у меня на руках, заснула.

Мой брат Славко предложил:

— Назовем ее Грызка, потому что она все грызет.

— Ладно,— сказала я.

Как только я переставала ее гладить, она тревожно крутила носиком. Бабушка и Славко пошли во двор, а я не могла выйти. Боялась, чтобы не убежала от меня белочка. Вскоре бабуся зашла в хату. Она сказала:

— А как же мы ее повезем домой, в город?— Она посмотрела на меня.— Удержишь ее дорогой?

— Удержу,— ответила я.

Мы оделись и пошли. Все нас спрашивали, где мы ее нашли. А другие дивились, почему мы не взяли всех бельчат. Мы ответили, что не из гнезда брали белочку.

И вот, наконец, мы сидели в автобусе. Белочка свернулась клубочком на моих коленях и спала. Иногда она забиралась мне под руку и чуть не залезала на спину. Я сказала бабусе:

— Бабуся, помоги мне, а то она сейчас убежит.

Бабуся посадила мне ее опять на колени, и я сделала ей из рук постельку.

Когда мы приехали домой, мама удивилась.

— Мы назвали ее Грызка,— сказал мой брат.

— Почему Грызка?— спросила мама.— Давайте назовем ее Тирля, как в книжке, которую читали.

— Тирля выпала из гнезда, и наша Тирля выпала из гнезда,— сказала я.

Бабуся налила немного молока на стол, взяла Тирлю так, чтобы лапки держались вместе, и носиком уткнула ее в белую лужицу. Тирлюня начала прыскать и разбрызгивать молоко. Мама была недовольна:

— Она так ничего не выпьет. Давай я из пипетки.

КУДЕСНИК

Евгений Михайлович Рачев за свою немалую жизнь рисовал многое — пейзажи, портреты, иллюстрировал большую литературу, работал во фронтовой печати, где острый карандаш был воистину приравнен к штыку, но вот уже не один десяток лет он иллюстрирует басни и сказки и в этом своеобразном жанре проявил себя настоящим кудесником, став любимцем и детей и взрослых.

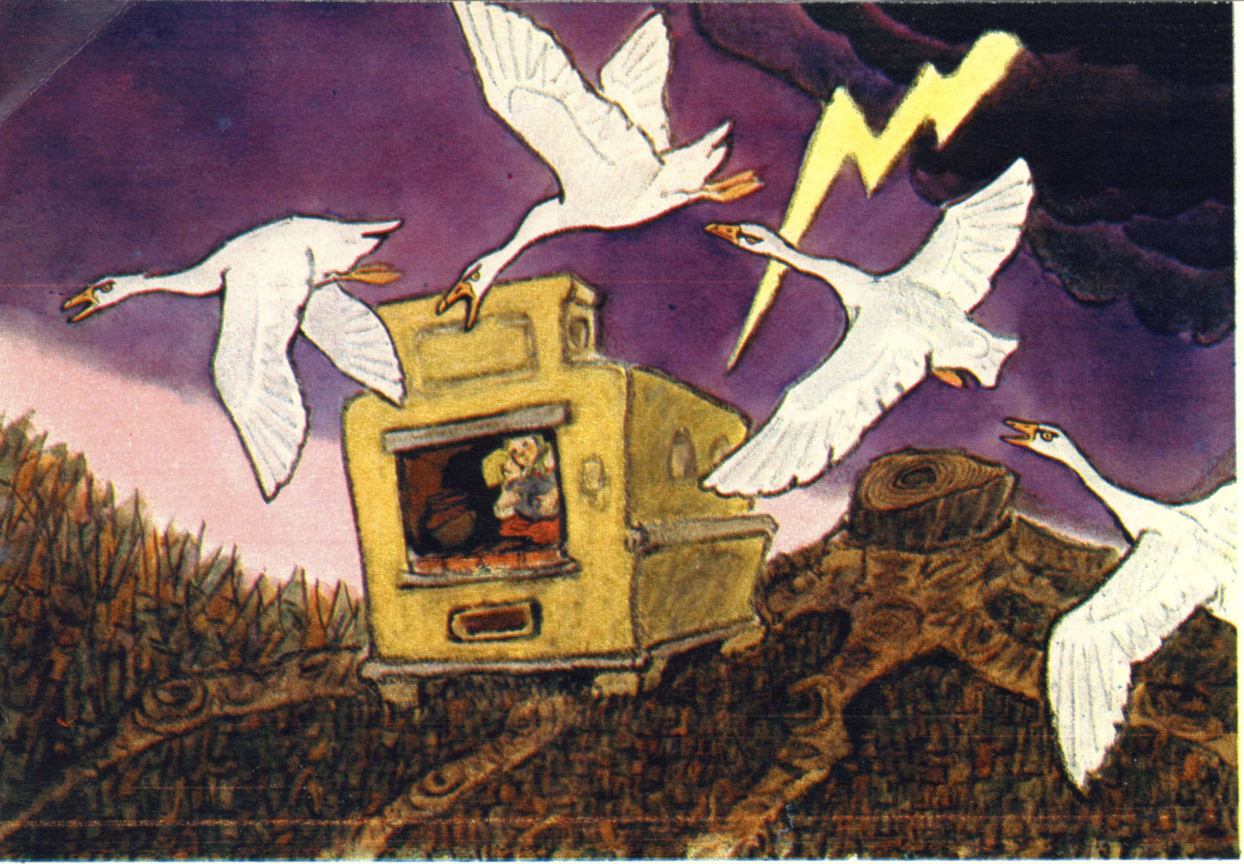
Его звери и зверята — хитрые лисы, лукавые коты, простодушные мишки, свирепые волки, преданные псы, трусливые зайцы,— все они в работах Рачева, иллюстрируя, поясняя, углубляя ту или иную басенную строфу или событие в сказке, в то же время несут самостоятельную смысловую нагрузку. Звери Рачева — это, конечно, звери, причем написанные мастерски, с глубоким проникновением в натуру, но они вместе с тем настолько очеловечены, что в них отчетливо видишь и характеры, и страсти, и пороки, и чувства, свойственные роду людскому. И вас нисколько не удивляет лиса в сарафане, кот в боярском наряде, волк в заплатанном армяке. В вас пробуждается детское антропоморфическое восприятие, и это доставляет неожиданную, звонкую радость, как будто груз прожитых лет вдруг упал с ваших плеч.

Вам становится весело, вы невольно улыбаетесь, сама сказка или басня вдруг начинает поворачиваться какими-то острыми, искрящимися гранями. Писатель и художник-иллюстратор соединяют свои усилия, взаимно дополняя и оплодотворяя друг друга. Для меня,

Е. Рачев. ДЕКОРАТИВНОЕ ПАННО «КОТ И ПЕТУХ».

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К БАСНЕ В ПРОЗЕ С. МИХАЛКОВА «ЗВАНИЕ — СИЛА!».

ДЕКОРАТИВНОЕ ПАННО «РАЗБОЙНИЧКИ»
ПО МОТИВАМ РУССКИХ СКАЗОК.



Е. Рачев. ДЕКОРАТИВНОЕ ПАННО «ГУСИ-ЛЕБЕДИ».

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К БАСНЕ В ПРОЗЕ С. МИХАЛКОВА «ЭКЗАМЕН».

ДЕКОРАТИВНОЕ ПАННО ПО МОТИВАМ УКРАИНСКОЙ СКАЗКИ.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К БАСНЕ С. МИХАЛКОВА «СЛОН-ЖИВОПИСЕЦ».

Тирля начала рваться, и бабуся отпустила ее. Мы с братом взяли ее в комнату.

II

Нас было в семье пятеро. Ну, а с того дня, как появилась Тирля, стало нас уже шестеро.

Бабуся принесла в комнату старую Славкину шапку. Когда она вошла, то увидела такую картину: посредине комнаты лежала плюшевая кошка, которую надевают на руку. Тирля залезла в нее так, что лишь кончик хвоста виднелся, и вытаскивала оттуда стружки, которыми набита была голова. Вытащит стружку — положит у ушка киски. Вытащит и опять положит. И так насобирала небольшую кучку. Достать ее оттуда было невозможно. Вот она еще раз залезла в середину, согнулась вдвое, головку показала, носиком вертела, усиками трясла. Хвостик высунула и закрылась им.

— Она бы могла и спать там.

— Ну, еще, чего доброго, наестся стружек,— говорили мы.

Я взяла кусок лисьего меха, показала Тирле шапку, а тем временем бабуся взяла плюшевую кошку и отошла. Тирля залезла сразу же в шапку, выглянула оттуда, спряталась опять, укрылась хвостом, а я еще сверху прикрыла ее мехом. Она заснула.

Утром надо было идти в школу, но очень хотелось поиграть с Тирлей. Бабуся закричала:

— Ну иди же!

Я грустно поглядела на шапку, в которой сидела Тирля, и пошла. В коридоре встретила папу. Он сказал мне:

— Тирлю не надо тормошить. Это еще ребенок, ей долго спать надо.

Я пошла в школу. Когда вернулась, мама сказала:

— Я научила Тирлю пить сгущенное молоко. Она его хорошо пьет.

— А как ты ее научила? Из чего она пьет? Как? А усики макает?

— Я тебе покажу сейчас.— Она посмотрела на часы.— Сейчас Тирля выйдет за молочком.

— Тирлюшка, выйди! Тирленька, Тирленька!

И я сочинила такую песенку:

Тирля, Тирля, моя Мирля,
Тирля веселѐнька,
Будем мы дружить,
Будет она жить,
Как принцесса Менька!

Когда мама несла Тирленьку, я пела эту песенку.

— Тихо!— сказала мама.

Она налила в розетку сгущенного молока и сказала:

— Стойте тихо, чтобы не перепугать Тирлю. Она очень боязлива.

Мы смотрели, как Тирля пила молоко. Ни одна капелька не упала. Она своим нежным, розовеньким, как яблоневый цвет, язычком вылизывала остатки молока.

— Молодец, Тирленька! — сказал Славко.

И опять мне захотелось спеть песенку про Тирлю:

Рисунок М. ЛИСОГОРСКОГО.

Тирли-тирли-тирли-бом,
тирлю-тирлю-бом-бом-бом!

III

Тирля через несколько дней подросла. У нее уже и хвостик был пушистенький. Мы давали ей арахисовый орешек. Она не умела его разгрызть, хоть и очень старалась.

Тирля уже могла помаленьку лазить по бабусе, по маме, по мне, Славке и папе. Но папа ее боялся. Он сжимал руки и кричал, чтобы с него сейчас же сняли белку, а то он сам ее отдерет и поотрывает коготки. Бабуся снимала

например, прелестные басни Сергея Михалкова неотделимы от рисунков Евгения Рачева — так плотно они переплелись в единое целое. Были у Михалкова и другие иллюстраторы, тоже недюжинные мастера, но ни с кем из них нет у него такого полного внутреннего слияния. И текст Михалкова и рисунок Рачева, разумеется, могут жить раздельной жизнью, но эта жизнь будет обедненной.

Сказка — художественное произведение, летящее на крыльях вольной фантазии, не стесняемое границами сухого здравого смысла, басня тоже всегда фантастична, но зерно басни — публицистика, насмешка, ирония, яд, поучение. Евгений Рачев, работающий в сказочно-басенном жанре, следует законам этого жанра, но при этом остается строгим реалистом. Он счастливо обходит подводные камни ложной декоративности, примитивного схематизма, нарочитой «детскости» рисунка. У него волк, опустивший хвост в прорубь, чтоб поймать рыбу, символизирует глупого человека, но он все же волк. И пятилетний малыш, рассматривающий рисунок, немедленно засвидетельствует это.

Чтобы так рисовать, нужно тонко и обостренно чувствовать природу, любить все живое на ее просторах, все, что движется, ползает, летает, лает, рычит, пищит, свистит; все, что живет и дышит; ощущать все, что может быть поставлено фантазией художника на службу теме.

Нужно также знать и понимать человека.

Евгений Рачев очень дружил с Пришвиным и Бианки. По его словам, они открыли ему искусство постижения природы, искусство видеть в малом большое, в ничтожном — значительное, научили слышать дыхание травы, шелест упавшего листа, наблюдать движение дождевого червя.

— И потом я действительно люблю природу и животных,— говорит Евгений Михайлович,— люблю бывать в зоопарке, гулять по лесу, чтобы встретить какого-нибудь ежа, крота или зайчонка, люблю ловить рыбу...

Евгений Михайлович родом сибиряк, томич. В его плотной фигуре есть что-то приятно-угловатое, сибирское. Он улыбается широко и добродушно. Взгляд у него внимательный и зоркий. Ему уже шестьдесят четыре года, но он несет свой возраст легко и свободно.

Свое впечатление от знакомства с Евгением Михайловичем Рачевым хочется охарактеризовать несколькими словами:

— Превосходный мастер. Широкий, добрый человек. Истинный кудесник.

Ник. КРУЖКОВ

Тирлю, а она коготками, всеми четырьмя лапками цеплялась за папу.

Я захворала.

Утром ворвалась в комнату Тирля, а за ней вошла бабуся. Она взяла Тирленьку на руки и положила ее на мое одеяло. Я стала гладить белочку. Она сначала лежала так тихо-тихо. А потом пискнула, рванулась и, словно мини-конёк, помчалась по комнате.

Бабуся поймала ее, отнесла на кухню, где она заснула в своей шапке.

После обеда собрались у меня в комнате все. Мама сказала, что у меня очень высокая температура. Вдруг из-за спины папы появилась Тирля. Блеснула глазенками, прыгнула на меня. Я ее взяла в руки. Она закрылась было хвостом, но потом высунула головку, подняла ушки, и только теперь я заметила, что у нее на ушах подросли щеточки. Я засмеялась.

Белочка раскрыла ротик и показала два верхних и два нижних желтых зуба. Она смеялась. Потом показала мне язычок. Я моргнула левым глазом. Тирля, бедная, старалась-старалась, но у нее сразу оба глаза захлопывались. Так по-беличьи. Я сощурила глаза — Тирля тоже! И так мы с ней долго-долго играли.

Через два-три дня Тирля научилась моргать одним левым глазком, а потом и правым. Я была рада: ведь когда она появилась у нас, то не умела подмаргивать, смеяться и дразниться языком.

IV

Прошло еще сколько-то времени, и Тирля еще подросла.

Бабуся однажды раненько пришла из магазина. Белка увидела у нее в сумке маленькие булочки. Подбежала к сумке, взяла одну. Полезла с ней на газовый счетчик и там спрятала. Через несколько дней опять забралась на счетчик, наступила лапкой на булочку, булочка упала. Она уже затвердела, и теперь Тирля не могла ее взять в зубы. Мама решила помочь: разломила булочку на четыре части. Тирля взяла один кусок в зубы, полезла было на счетчик, но ломоть выпал из зубов.

Тогда Тирля передумала, взяла кусочек и запрятала маме за воротник. Вернулась за другим куском и спрятала его маме за пояс. Вернулась за третьим, немного пораздумывала, а потом затолкнула его маме в волосы.

Подождите. А куда же четвертый? Тирля думает. Ага! Уже, стало быть, придумала. Взяла кусочек. Гоп!— вскочила маме на голову и положила сверху. Успокоившись, что теперь-то все отлично запрятано, наш мини-конёк побежал по коридору: гоп-гоп-гоп!

А мама тем временем все кусочки булки вытащила.

V

Как-то по дороге из школы бабуся рассказывала мне:

— Сегодня пришла из магазина, принесла яблоки и поставила сумку у дверей на балкон. Потом ушла в кухню. Тирля подбежала к сумке, увидела: двери открыты. Выскочила на балкон и начала гулять по проволокам, на которых мы вешаем белье. Я вышла из кухни в коридор, позвала: «Тирля, Тирля! На, на, Тирля! Тирлюшка!» Она услышала и высунула из-за дверей носик. Увидела меня и снова вспрыгнула на проволоку. Жаль, что ты не была там, не полюбовалась. Как спортсменка в цирке. Бегает по проволоке и вертит хвостом, как пропеллером, чтобы удержать равновесие...

Тирля и при мне выскочила на балкон. Теперь она уже не носилась по проволоке, а увидела голубей. Голуби перепугались, и Тирля тоже испугалась голубей. Села, подняла передние лапки, прижала их к груди, сидела и хлопала глазенками. Бабуся взяла Тирлю и принесла ее в коридор.

У нас упал умывальник. Пришел мастер поправить и установить его. Я попросила разрешения покрасить доску. Мастер сказал:

— Разрешу, но за это отдай белку!

Я минуту думала, а потом сказала:

— Нет, лучше я красить не буду, но Тирля останется нашей.

На другой день мастер снова пришел и сказал, что сделает для нашей Тирли колесо.

Тирля живет у нас и сейчас.

Но мой рассказ уже окончился.

Перевел с украинского и подготовил П. АНТОНОВ.

Александр ГОВОРОВ

Оглянуться не успел

Снег пушистый засверкал
В бодром,
В добром
Воздухе.
Старый год и не мечтал,
И не знал
Об отдыхе.
Столько было
Важных дел —
И со всеми справился.
Оглянуться не успел,
А уже
Состарился.
Мы проводим Старый год
С музыкою,
С песнею...
И пускай себе живет,
Получая
Пенсию.

Русскому шампанскому — 100 лет

ТОСТ ЗА СОЛНЦ

Н. БЫКОВ

...Вошел — и пробка в потолок!.. В часы семейных и иных торжеств, в час Новогодия льется оно, светлое, и пенится, и золотым прибоем вскипает у самой кромки высоких бокалов, это веселое вино. Его у нас по старинке называют «шампанским», а ведь оно — детище отечественных виноградников. Нужды нет, что процесс шампанизации как особого способа приготовления вина несколько веков назад счастливо открыл монах-бенедиктинец Дом Периньон, да ведь в наших-то новогодних бокалах играет наше шампанское. Русское, советское! Ровнехонько сто лет назад экспедиция в составе столичных чиновников, новороссийского генерал-губернатора и агронома Гейдека, высмотрела, оценила, обмерила подходящие участки возле горного озера Абрау, что в нескольких верстах от Новороссийска-порта. Не о народе, не о стране пеклись — царя ради. И последовал высочайший указ императора...

Сто лет назад рота солдат, присланных новороссийским генерал-губернатором, вскопала первый участок на Чертовой горе. Агроном Гейдек привез с берегов Рейна чубуки лучших сортов винограда. В год осваивали по десятине южных склонов. К концу века виноградники Абрау-Дюрсо занимали уже около 200 гектаров. Первое же вино, полученное через несколько лет после закладки виноградника на Чертовой горе, оказалось очень удачным, отличным! Родилась всемирно известная марка русского шампанского — «Абрау-Дюрсо».

— Сейчас наш винсовхоз,— рассказал в канун 1971 года директор совхоза, Герой Социалистического Труда Борис Алексеевич Анашкин,— экспортирует советское шампанское почти в два десятка стран.

На карте Бориса Алексеевича отмечены красными флажками Венгрия, Австрия, Италия, Канада, Монголия, ОАР, Бельгия, Англия, Тунис, Индия, Бразилия, Япония...

— До войны, в тридцатые годы,— продолжал Борис Алексеевич,— мы выпускали четверть миллиона бутылок, а Франция — до пятидесяти миллионов! Теперь наша страна получает в год более восьмидесяти миллионов бутылок отечественного шампанского. У нас достаточно опыта, сырья, специалистов, чтобы к концу новой пятилетки производить советского шампанского вдвое больше. Так что и Францию догоним!..

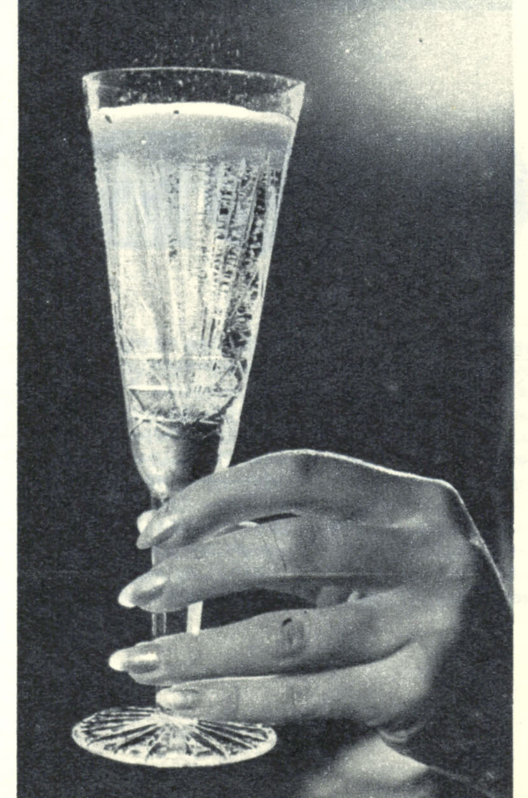
ЕДАР

Послушать Эдуарда Яковлевича Клоца, так производство шампанского — область искусства. Поэзия да и только! Эдуард Яковлевич был сорок лет шампанистом, (в последнее время главным шампанистом — есть такая в совхозе должность). Но и теперь, будучи на пенсии, почти каждый день приходит он в свой кабинет, в цехи завода. В его устах «пино-гри», «пино-блан», «совиньон», «пино-фран», «каберне Абрау» звучат, как музыка. Эдуард Яковлевич, по существу, один из соавторов советского шампанского, он ученик Антона Михайловича Фролова-Багреева, основателя совхоза «Абрау-Дюрсо». Фролов-Багреев! Молодой химик уже в 1904 году, как только появился в Абрау-Дюрсо, подружился с мастерами-французами и много, очень много узнал из того, что тщательно скрывал тогдашний шампанист Дравиньи...

В 1920 году Антон Михайлович разлил первый свой тираж теперь уже советского шампанского —35 тысяч бутылок!

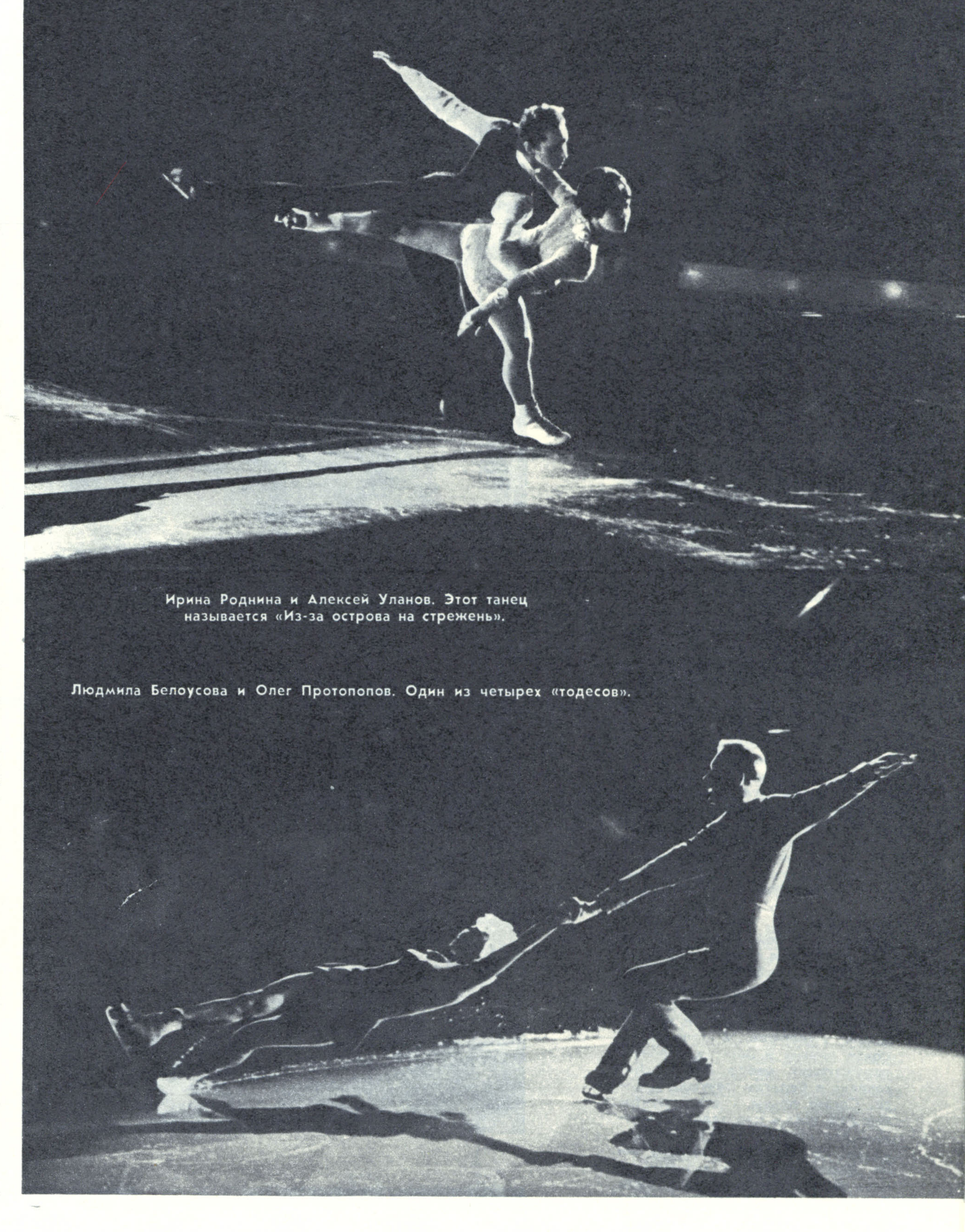
Вино с маркой «Абрау-Дюрсо» получило более сорока медалей — золотых и серебряных — на международных дегустациях. Секрет— в мастерстве виноделов, в выверенной годами технологии, в трехлетней выдержке, а главное, в почве крутых и пологих склонов, окружающих озеро Абрау, сбегающих к берегам речушки Дюрсо. Состав почвы, состав грунтовых вод, угол и направление склона — все играет роль, все сказывается на качестве творимого вина. Даже количество выращиваемого винограда не должно быть более сорока центнеров на гектаре. Соблазн получить ягоды больше и больше надавить сока убивает будущее вино, лишает его классности. Так вот, определяющие условия совсем не изменились с годами, кроме одного: многие склоны обрабатываются теперь с помощью машин — лебедок, тракторов и даже вертолетов. Сейчас в Абрау-Дюрсо планируют освоить еще тысячу гектаров!

Это хорошо, когда люди при встрече Нового года пьют вот такое вино — красивое, легкое, веселящее. Абрау-Дюрсо я теперь называю Солнцеградом. А игристое его марки — «Солнцедаром». Ведь это и вправду так: вот ведь и в новогоднем бокале, поднятом возле русской елки, заключена солнечная энергия нашего юга. Спасибо вам, люди из Солнцеграда! За вас, за ваш солнцедар не самый последний тост нынешнего Новогодия!



Елена ЧАЙКОВСКАЯ,
заслуженный тренер СССР

Фото С. ЛИДОВА.



Ирина Роднина и Алексей Уланов. Этот танец называется «Из-за острова на стрежень».

Людмила Белоусова и Олег Протопопов. Один из четырех «тодесов».

«СОЛОВЕЙ» И «

Приходилось ли вам видеть танцы на льду? Не правда ли, удивительно красочное, праздничное зрелище? Недаром эта молодая отрасль фигурного катания завоевывает у зрителей все больше симпатий. Тут все прекрасно: музыка, блеск льда и живое воплощение этой красоты — движения спортсменов. Но особенно выразительны показательные танцы, которые обычно демонстрируют фигуристы после соревнований. Все уже позади: борьба закончена, радости и горести отошли на второй план. Теперь можно повеселиться, блеснуть мастерством, размахнуться во всю ширь катка.

— Чем же показательный танец отличается от спортивных?

Прежде всего тем, что он максимально приближает спортсмена к искусству, помогает наиболее полно раскрыть самого себя. Естественно, что фигуристу приходится искать для этого новые выразительные средства. И показательный танец часто обгоняет в чем-то произвольные спортивные программы. Ведь в нем имеют право на существование технические приемы, которые на соревнованиях не применяются.

Конечно, можно придерживаться той точки зрения, что показательные программы — лишь вспомогательное средство для спортсмена, что их могут заменить отрывки из произвольных выступлений, лишь слегка видоизмененные, подогнанные под какую-нибудь модную песенку. Но это не так. Мне кажется, что в показательных танцах, как ни в одной спортивной программе, можно подчеркнуть свою индивидуальность, самые сильные стороны своего дарования. И показательные выступления теперь собирают многотысячные аудитории. Их зрители посещают более охотно, чем спектакли ледяных ревю. Мои ученики знают, что при работе над новым показательным танцем им придется затратить творческих и физических сил не меньше, чем при работе над новой произвольной программой. Первыми поняли это Людмила Белоусова и Олег Протопопов. «Грезы любви» олимпийских чемпионов перевернули все наши представления о возможностях фигурного катания...

Вообще история создания этого танца заслуживает отдельного описания. Людмила и Олег рассказывают о нем в своей книге, которую они недавно закончили. Замечательная музыка Листа так вдохновила фигуристов, что «Грезы любви» были созданы на одном дыхании. Вот почему каждое движение фигуристов поражает нас своей искренностью, лиричностью.

Нечто подобное произошло и с другим их показательным танцем, «Размышлением» Массна. Ледовая интерпретация этого известного произведения вызывает восхищение и у фигуристов, и у зрителей, и у мастеров балета.

Показательные танцы Белоусовой и Протопопова — всегда законченные концертные номера. В 1969 году они продемонстрировали в Ленинграде комбинацию из четырех «тодесов» — так называемые «спирали смерти» и «спирали жизни», посвятив свою композицию героическим защитникам Ленинграда, и надо было видеть, какой горячий прием встретила одна из самых коротких показательных программ.

Первый показательный танец был поставлен мной в 1965 году. Назывался он «Не спеши». Исполняли его Т. Тарасова и Г. Проскурин. Мне очень хотелось передать романтическую сущность популярной песни. Выключался свет, и только луч прожектора освещал фигуры спортсменов. Мягкость и вместе с тем контрастность линий — вот чего мы добивались.

Для Людмилы Пахомовой и Александра Горшкова, только начинавших свой совместный спортивный путь, мы выбрали танго и остановились на очень известной мелодии «Кумпарсита», потому что хотели показать свой новый подход к старому танцу. Теперь мы выбираем другие мелодии, ставим перед показательным танцем совершенно другие задачи но легкая, экспрессивная «Кумпарсита» по-прежнему живет. И даже если бы мы захотели отказаться от «Кумпарситы», сделать это невозможно. Каждый раз на показательных выступлениях Пахомо-

Людмила Пахомова и Александр Горшков. Финал танца.

«КУМПАРСИТА»

вой и Горшкова из зала слышатся возгласы: «Кумпарситу»! «Кумпарситу»!

После того, как Людмила и Александр стали серебряными призерами первенства мира, мы задумали совершенно новый показательный танец, который соответствовал бы их возросшим возможностям и отразил бы наши новые, сложившиеся в течение четырех лет представления о спортивных танцах. К нашим услугам было множество прекрасных танцевальных мелодий. Мы перебирали их и отвергали одну за одной. Поиски музыки шли одновременно с поисками музыки для новой произвольной программы. Нам просто не хотелось их разъединять. И вот музыка найдена. Два замечательных польских пианиста Вацлав Кисилевски и Марк Томашевски в свежей, оригинальной манере исполняют старые и вечно юные классические мелодии Бетховена, Монюшко, Моцарта, Алябьева. Без всяких колебаний мы взяли для показательного выступления алябьевского «Соловья».

Сколько возможностей открывается для постановщика и исполнителей в этом порхающем между серебряными просторами льда и высокими сводами зала «Соловье»! И вот в течение одного месяца были открыты новые тайники танцевальных движений, и «Соловей» запел, вызывая всюду овации. А теперь в программе чемпионов мира Пахомовой и Горшкова еще и «Вдоль по Питерской» — танец стремительный, удалой.

Долго, кропотливо, придирчиво готовились показательные программы для Галины Карелиной и Георгия Проскурина. Когда эта пара была только создана, мы тут же приступили к работе над показательной программой. Пара еще была зеленой, но у нее сразу появился свой «конек» — разнообразные поддержки, которые выполнялись очень легко, непринужденно, эффектно. И мы решили сыграть именно на них. В показательном танце было только шесть элементов, каждый из них специально выделялся, фиксировался, хорошо смотрелся, и зрители успевали насладиться им и отметить аплодисментами.

Потом мы разработали показательную программу под малоизвестный вариант «Очи черные». В нем тоже использовались — и очень широко — сложные поддержки. Одна из связок отсюда перекочевала в произвольную программу: после сложнейшей поддержки, выполняемой в стремительном темпе, партнерша сразу же переходила в «тодес». И вот теперь создана новая показательная программа для Карелиной и Проскурина. Вальс. Для танца придумано несколько совершенно оригинальных элементов. Мы сами были удивлены, когда они получились.

Третья пара, тренирующаяся у меня — Елена Жаркова и Геннадий Карпоносов,— тоже имеет свои танцы. Они составлены с учетом их технической подготовленности. Но мне хотелось научить их танцевать, а не «катать» свою показательную программу, поэтому в их «Метелице» так много движений, подчеркивающих раскованность, танцевальность, естественность партнеров. Новый танец, конечно, будет другим. Каким? Ну разве можно ответить на этот вопрос заранее! Мы сегодня ищем свои движения, свои линии, которые впоследствии подскажут нам движения завтрашние.

Я рассказала о показательных танцах своих учеников. Но это не значит, что я не ценю великолепных достижений многих других фигуристов. Мне очень импонируют танцы Татьяны Шарановой и Анатолия Евдокимова, они мягки, лиричны. Очень хороши показательные программы нынешних чемпионов мира в парном катании Ирины Родниной и Алексея Уланова. Они насыщены экспрессией. Зрители всегда смотрят их танцы с удовольствием.

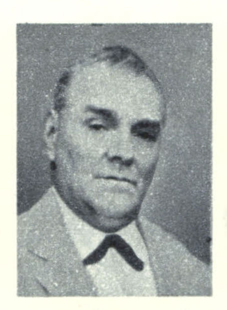
В заключение хочу вернуться к тому, о чем я уже говорила. Л. Белоусова и О. Протопопов были, думается, первыми реформаторами показательных выступлений. Именно они дали тот толчок фантазии и мысли, который привел к замечательным изобразительным находкам, открыл глаза на возможности показательного танца молодым советским фигуристам и зарубежным спортсменам. Не случайно Пегги Флеминг, создавая свои «этюды», говорила, что ее вдохновляли творческие находки наших замечательных мастеров.

ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» ЗА 1970 ГОД

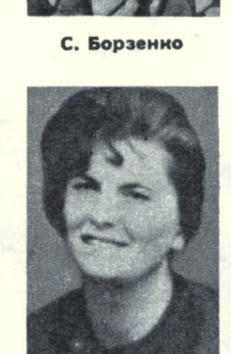
М. Андриасов | С. Борзенко | С. Борзунов | Н. Бородин

Моника Варненска

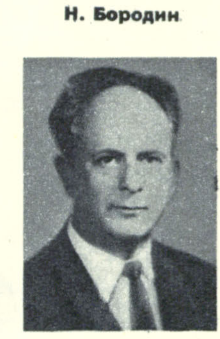
В. Викторов


Е. Вучетич

А. Гончаров


В. Гордеева

А. Гостев


В. Дымшиц

Б. Кедров

В. Кеменов

И. Клычев

А. Ковалев

Н. Козловский

Н. Кончаловская

Д. Краминов

Ю. Нагибин

А. Награльян

В. Некрасов

Ф. Овчаренко

А. Окладников

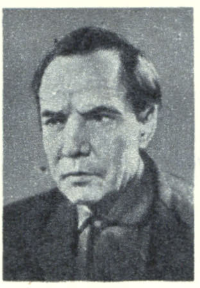
Дж. Олдридж

А. Пантиелев

Л. Татьяничева

И. Тобольский

Уйгун


Я. Ухсай

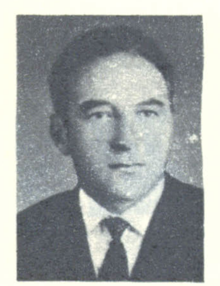
Д. Ухтомский

Л. Филатов

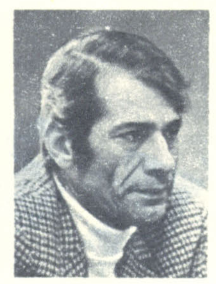
М. Халфина

Редакционная коллегия журнала «Огонек» отметила денежными премиями и грамотами лучшие произведения, напечатанные в журнале в течение 1970 года.

М. АНДРИАСОВ. Очерк «Приметный мыс» (№ 37). С. БОРЗЕНКО. Рассказ «Братья» (№ 48). С. БОРЗУНОВ. Очерк «Не первая атака» (№№ 42—43). Н. БОРОДИН. Очерк «Кто был Михаил Бородин» (№ 31). С. БРОДСКИЙ. Иллюстрации к повести «Бронепоезд «Товарищ Ленин» (№№ 45—46). М. БСИСУ. Цикл стихов «Обнаженное сердце» (№ 1). Н. БЫКОВ. Очерк «Новый хлеб» (№ 29). Моника ВАРНЕНСКА. Очерк «Сайгон: все продается» (№ 43). В. ВИКТОРОВ. Очерк «Поправка Яна Тальтса» (№ 32). Е. ВУЧЕТИЧ. Статья «Рафаэль» (№ 12). А. ГОНЧАРОВ. Статья «По законам красоты» (№ 44). В. ГОРДЕЕВА. Очерк «Особых примет не имеет...» (№ 50). А. ГОСТЕВ. Фоторепортаж о плане ГОЭЛРО (№ 51). В. ДЫМШИЦ. Статья «Металл Запорожья» (№ 36). Е. ЕВСЕЕВ. Статья «Жития Ротшильдов» (№ 32). Ю. ЖУКОВ. Очерк «Двенадцать дней в Испании» (№ 5). А. ИВАНОВ. Повесть «Жизнь на грешной земле» (№№ 29—32). Б. КЕДРОВ. Статья «Гений марксизма» (№ 48). В. КЕМЕНОВ. Статья «Диего Веласкес» (№ 33). И. КЛЫЧЕВ. Статья «Новое в Третьяковке...» (№ 38). А. КОВАЛЕВ. За оформление журнала «Огонек» (№ 47). Н. КОЗЛОВСКИЙ. Фоторепортаж «Здравствуй, Чукотка!» (№ 42). Н. КОНЧАЛОВСКАЯ. Поэма «Хатынская поляна» (№ 44). Д. КРАМИНОВ. Очерк «...И встретились на Эльбе» (№ 2). М. КУРГАНЦЕВ. За перевод цикла стихов М. Бсису «Обнаженное сердце» (№ 1). Ю. ЛУШИН. Репортаж «Эхо Самотлора» (№ 47). Д. МЕТОДИЕВ. Поэма «Песнь о великом переселении» (№ 17). Ю. НАГИБИН. Рассказ «Иван» (№ 30). А. НАГРАЛЬЯН. Фоторепортаж «Балерина» (№ 28). В. НЕКРАСОВ. Статья «Седьмой кризис Ричарда Никсона» (№ 23). Ф. ОВЧАРЕНКО. Статья «С оптимистической гипотезой» (№ 43). А. ОКЛАДНИКОВ.

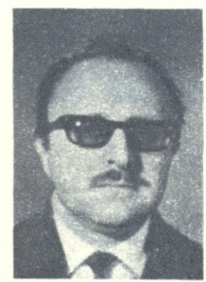


С. Бродский



М. Бсису

Н. Быков

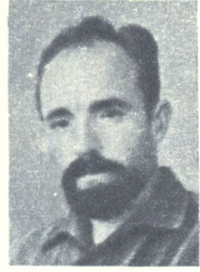


Е. Евсеев

Ю. Жуков

А. Иванов

М. Курганцев

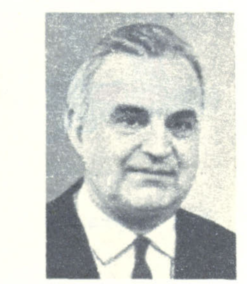


Ю. Лушин

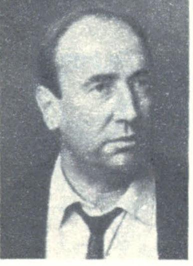
Д. Методиев

М. Савин

В. Семакин

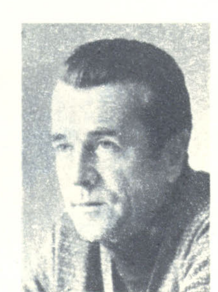


П. Серебряков



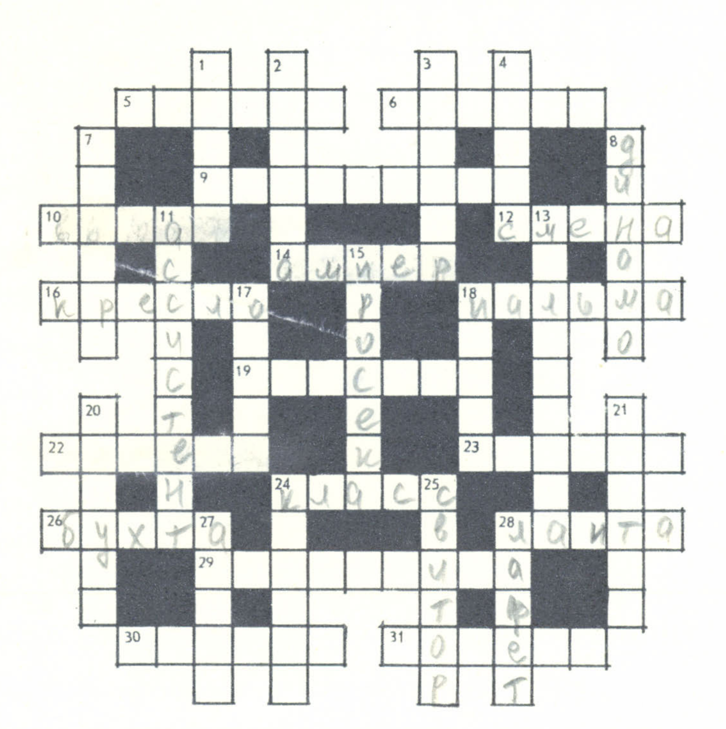
Ю. Черниченко

И. Шамякин



О. Шмелев

Статья «Сибирские находки» (№ 26). Дж. ОЛДРИДЖ. Статья «Последний танец Саломеи» (№ 42). А. ПАНТИЕЛЕВ. Рассказ «Дважды два» (№ 17). М. САВИН. Фоторепортаж по ОАР (№ 25) и снимки есенинских мест (№ 40). В. СЕМАКИН. Цикл стихов «Лен колоколится» (№ 20). П. СЕРЕБРЯКОВ. Статья «Бетховен — наш современник» (№ 50). Л. ТАТЬЯНИЧЕВА. Цикл стихов «Родниковая грань» (№ 9). И. ТОБОЛЬСКИЙ. Поэма «Исповедь» (№ 14). УЙГУН. Новые стихи (№ 49). Я. УХСАЙ. Поэма «Разговор с белой березой» (№ 27). Д. УХТОМСКИЙ. Фоторепортаж «Образ мышления» (№ 46). Л. ФИЛАТОВ. Очерки «Правда — в атаке» (№ 34) и «Нули безволия» (№ 51). М. ХАЛФИНА. Рассказ «Виктория» (№ 33). Ю. ЧЕРНИЧЕНКО. Очерк «Образ мышления» (№ 46). И. ШАМЯКИН. Повесть «Бронепоезд «Товарищ Ленин» (№№ 45—46). О. ШМЕЛЕВ. Статья «Странная поэма Пушкина» (№№ 26—27).



КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Роман Н. Г. Чернышевского. 6. Город во Владимирской области. 9. Древнегреческий комедиограф. 10. Снежная буря. 12. Журнал для молодежи. 14. Единица силы электрического тока. 16. Предмет мебельного гарнитура. 18. Южное дерево. 19. Приток Волги. 22. Календарный период времени. 23. Порт в Иране. 24. Комната в школе. 26. Залив, годный для стоянки судов. 28. Русская игра с мячом. 29. Впадина с отлогими склонами. 30. Соединительная часть трубопровода. 31. Оборотная сторона монеты или медали.

По вертикали: 1. Рыба семейства кефалей. 2. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 3. Химический элемент. 4. Автор романа «Остров пингвинов». 7. Озеро в Африке. 8. Спортивное общество. 11. Помощник профессора. 13. Музыкально-драматическое произведение. 15. Вырубка в лесу. 17. Повесть А. И. Куприна. 18. Млекопитающее семейства енотовых. 20. Плотная шелковая ткань. 21. Венгерский композитор и пианист. 24. Стихотворная строфа. 25. Вязаная фуфайка. 27. Река на Северном Кавказе. 28. Станок артиллерийского орудия.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 52

По горизонтали: 7. Космодром. 8. Канадзава. 9. Канцона. 10. Арабика. 11. «Крокодил». 14. Каучук. 16. Эльтон. 17. Параллелепипед. 20. Маршал. 21. Творог. 22. «Светлана». 24. Маслина. 26. Фабрика. 28. Вольтметр. 29. Календарь.

По вертикали: 1. Ессентуки. 2. Просо. 3. Корсак. 4. «Кинжал». 5. Пудра. 6. Гладиатор. 12. Отделение. 13. Дездемона. 15. Квартал. 16. Экспорт. 18. Бересклет. 19. Вертикаль. 22. Сажень. 23. Афелий. 25. Иртыш. 27. Бунин.

На первой и четвертой страницах обложки: Новогодняя композиция художника В. Викторова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

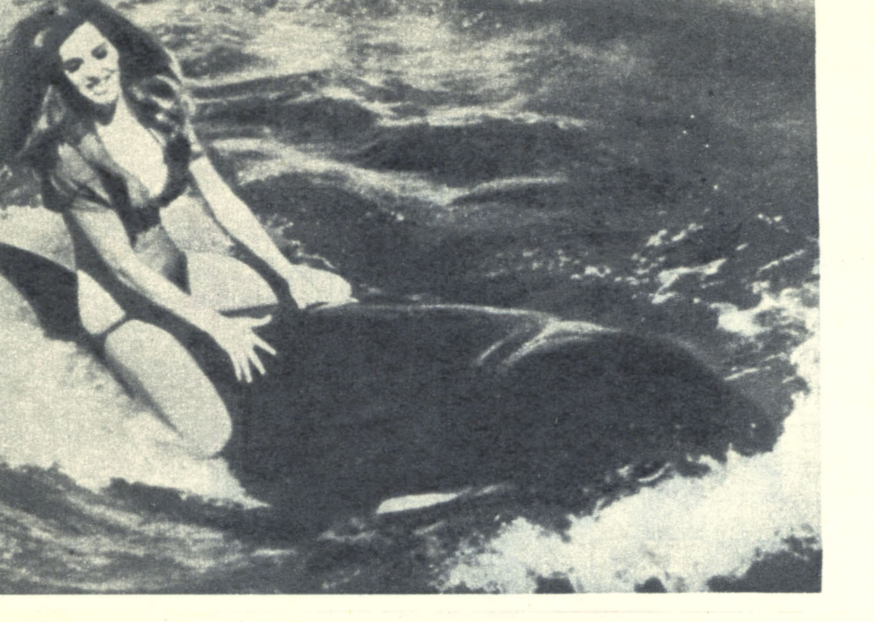
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 15/XII-70 г. А 00521. Подп. к печ. 28/XII-70 г. Формат бумаги 70 × 108[1]/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 30. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 3561.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

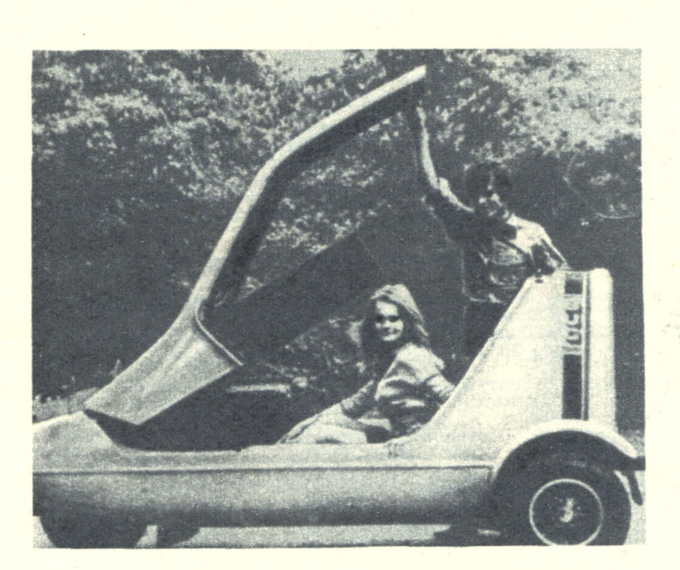


ДЖИГИТОВКА НА ВОДЕ

Во время съемок одного фильма американская киноактриса Эди Вильямс бесстрашно плавала верхом на ките.

БАСКЕТБОЛЬНЫЙ РОСТ

Двадцатитрехлетняя Милред Чакайи, живущая в Родезии, считается одной из самых высоких женщин в мире. Ее рост 213 сантиметров.



БУКАШКИ

В Англии появились миниатюрные автомобильчики на трех колесах, получившие название «букашки». Такие машины развивают скорость до 110 километров в час.

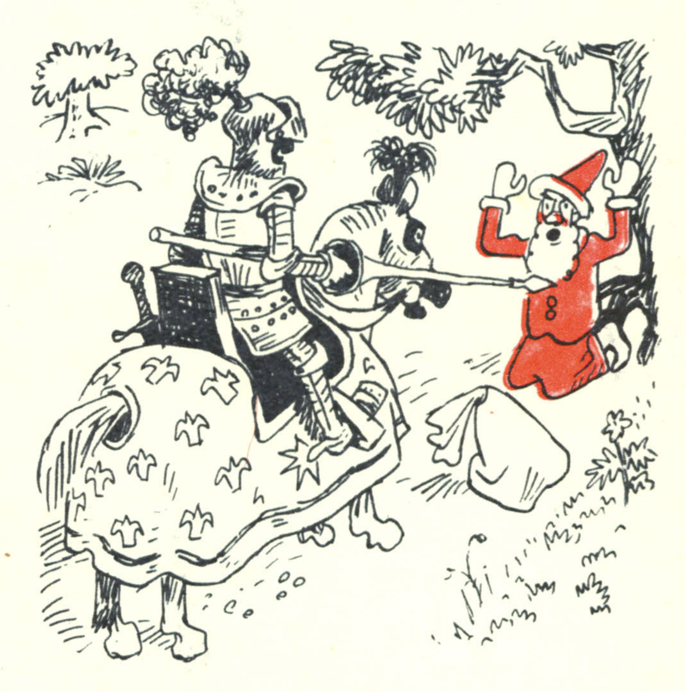
ЧЕТЫРЕХНОГИЙ ВОДОЛАЗ

Пес Мег знаменит тем, что спасает жизнь многим птицам, которые в непогоду падают в море у берегов Англии. Недавно Мег вытащил из воды непонятное животное. Оказалось, это тюлененок.

ИЗ ИС ДЕДОВ

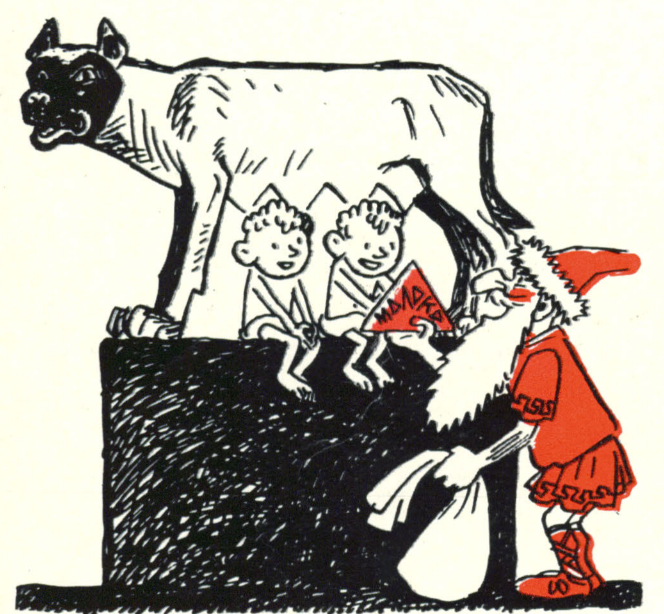
Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Дед Мороз при матриархате.



— А ну, старик, развязывай мешок.

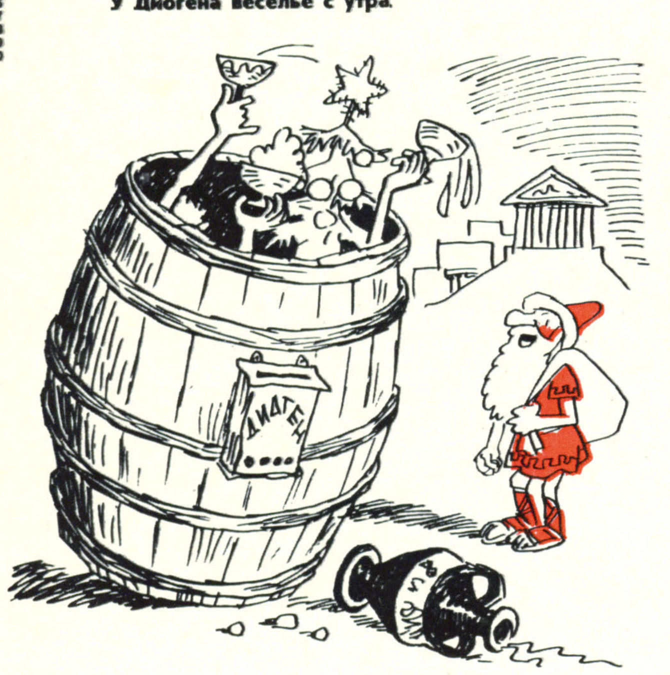
ТОРИИ МОРОЗОВ



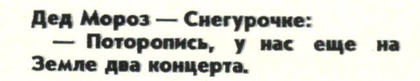
Новогодний подарок Ромулу и Рему.

— Подброшу-ка я им мамонта на закуску!

У Диогена веселье с утра.



Робинзон Крузо: — А вот и третий!



Дед Мороз — Снегурочке:
— Поторопись, у нас еще на Земле два концерта.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663.